ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

ОЛЕСЯ.

Повѣсть.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.

1912.

Дорогіе друзья!

Представляемъ вамъ повѣсть Александра Ивановича Куприна «Олеся». Она написана въ 1898 году. По признанію автора, это одно изъ самыхъ его любимыхъ произведеній.

Главная тема — трагическая любовь городского барина Ивана Тимоѳеевича и молодой дѣвушки Олеси. Олеся со своей бабушкой проживали въ уединенномъ мѣстѣ и считались вѣдьмами, т.к. обладали нѣкоторыми способностями, не понятными простому человѣку. Суевѣрныя представленія мѣстныхъ жителей о главныхъ геройхъ повѣсти не позволили имъ проживать въ данномъ мѣстѣ, въ результатѣ чего произошло скорое разставаніе.

Въ нашемъ изданіи приводится текстъ произведенія съ исправленіемъ явныхъ опечатокъ въ соотвѣтствіи съ источникомъ отъ 1912 года [1].

Пріятнаго вамъ прочтенія, друзья!

[1] Купринъ, А.И. Олеся / Полное собраніе сочиненій А.И. Куприна: Съ портр. авт.: Т. 1–9. – Санктъ-Петербургъ: т-во А.Ф. Марксъ, 1912–1915. – 9 т.; 21. – С. 122–217.

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

А. И. КУПРИНА.

Съ портретомъ автора.

ТОМЪ ПЯТЫЙ.

Приложеніе къ журналу «Нива» на 1912 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Изданіе Т-ва А. Ф. МАРКСЪ.
1912.

ОЛЕСЯ.

Повѣсть.

I.

Мой слуга, поваръ и спутникъ по охотѣ — полѣсовщикъ Ярмола вошелъ въ комнату, согнувшись подъ вязанкой дровъ, сбросилъ ее съ грохотомъ на полъ и подышалъ на замерзающіе пальцы.

— У, какой вѣтеръ, панычъ, на дворѣ, — сказалъ онъ, садясь на корточки передъ заслонкой. — Нужно хорошо въ грубкѣ протопить. Позвольте запалочку, панычъ.

— Значитъ, завтра на зайцевъ не пойдемъ, а? Какъ ты думаешь, Ярмола?

— Нѣтъ... не можно... слышите, какая завируха. Заяцъ теперь лежитъ и — а ни муръ-муръ... Завтра и одного слѣда не увидите.

Судьба забросила меня на цѣлыхъ шесть мѣсяцевъ въ глухую деревушку Волынской губерніи, на окраину Полѣсья, и охота была единственнымъ моимъ занятіемъ и удовольствіемъ. Признаюсь, въ то время, когда мнѣ предложили ѣхать въ деревню, я вовсе не думалъ такъ нестерпимо скучать. Я поѣхалъ даже съ радостью. «Полѣсье... глушь... лоно природы... простые нравы... первобытныя натуры, — думалъ я, сидя въ вагонѣ: — совсѣмь незнакомый мнѣ народъ, со странными обычаями, своеобразнымъ языкомъ... и ужъ, навѣрно, какое множество поэтическихъ легендъ, преданій и пѣсенъ!» А я въ то время (разсказывать, такъ все разсказывать) ужъ успѣлъ тиснуть въ одной маленькой газеткѣ разсказъ съ двумя убійствами и однимъ самоубійствомъ и зналъ теоретически, что для писателей полезно наблюдать нравы.

Дробязинъ Е.М. Иванъ Тимоѳеевичъ

Но... или перебродскіе крестьяне отличались какою-то особенной, упорной несообщительностью, или я не умѣлъ взяться за дѣло, — отношенія мои съ ними ограничивались только тѣмъ, что, увидѣвъ меня, они еще издали снимали шапки, а поровнявшись со мной, угрюмо

произносили: «гай Бугъ», что̀ должно было обозначать: «помогай Богъ». Когда же я пробовалъ съ ними разговориться, то они глядѣли на меня съ удивленіемъ, отказывались понимать самые простые вопросы и все порывались цѣловать у меня руки — старый обычай, оставшійся отъ польскаго крѣпостничества.

Книжки, какія у меня были, я всѣ очень скоро перечиталъ. Отъ скуки — хотя это сначала казалось мнѣ непріятнымъ — я сдѣлалъ попытку познакомиться съ мѣстной интеллигенціей въ лицѣ ксендза, жившаго за 15 верстъ, находившагося при немъ «пана органиста», мѣстнаго урядника и конторщика сосѣдняго имѣнія изъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ, но ничего изъ этого не вышло.

Потомъ я пробовалъ заняться лѣченіемъ перебродскихъ жителей. Въ моемъ распоряженіи были: касторовое масло, карболка, борная кислота, іодъ. Но тутъ, помимо моихъ скудныхъ свѣдѣній, я наткнулся на полную невозможность ставить діагнозы, потому что признаки болѣзни у всѣхъ моихъ паціентовъ были всегда одни и тѣ же: «въ серѐдинѣ болитъ» и «ни ѣсть ни пить не можу».

Приходитъ, напримѣръ, ко мнѣ старая баба. Вытеревъ со смущеннымъ видомъ носъ указательнымъ пальцемъ правой руки, она достаетъ изъ-за пазухи пару яицъ, при чемъ на секунду я вижу ея коричневую кожу, и кладетъ ихъ на столъ. Затѣмъ она начинаетъ ловить мои руки, чтобы запечатлѣть на нихъ поцѣлуй. Я прячу руки и убѣждаю старуху: «Да полно, бабка... оставь... я не попъ... мнѣ этого не полагается... Что̀ у тебя болитъ?»

— Въ серѐдинѣ у меня болитъ, панычу, въ самой, что̀ ни на есть, серѐдинѣ, такъ что даже ни пить ни ѣсть не можу.

— Давно это у тебя сдѣлалось?

— А я знаю? — отвѣчаетъ она также вопросомъ. — Такъ и печетъ, и печетъ. Ни пить ни ѣсть не можу.

И, сколько я ни бьюсь, болѣе опредѣленныхъ признаковъ болѣзни не находится.

— Да вы не безпокойтесь, — посовѣтовалъ мнѣ однажды конторщикъ изъ унтеровъ: — сами вылѣчатся. Присохнетъ, какъ на собакѣ. Я, доложу вамъ, только одно лѣкарство употребляю — нашатырь. Приходитъ ко мнѣ мужикъ. «Что тебѣ?» — «Я, говоритъ, больной»... Сейчасъ же ему подъ носъ склянку нашатырнаго спирту. «Нюхай!»... Нюхаетъ... «Нюхай еще... сильнѣе!»... Нюхаетъ... «Что, легче?» — «Якъ будто полегшало»... — «Ну, такъ и ступай съ Богомъ».

Къ тому же мнѣ претило это цѣлованіе рукъ (а иные такъ прямо падали въ ноги и изо всѣхъ силъ стремились облобызать мои сапоги). Здѣсь сказывалось вовсе не движеніе признательнаго сердца, а просто омерзительная привычка, привитая вѣками рабства и насилія. И я только удивлялся тому же самому конторщику изъ унтеровъ и уряднику, глядя, съ какой невозмутимой важностью суютъ они въ губы мужикамъ свои огромныя красныя лапы...

Мнѣ оставалась только охота. Но въ концѣ января наступила такая погода, что и охотиться стало невозможно. Каждый день дулъ страшный вѣтеръ, а за ночь на снѣгу образовался твердый, льдистый слой наста, по которому заяцъ пробѣгалъ, не оставляя слѣдовъ. Сидя взаперти и прислушиваясь къ вою вѣтра, я тосковалъ страшно. Понятно, я ухватился съ жадностью за такое невинное развлеченіе, какъ обученіе грамотѣ полѣсовщика Ярмолы.

Началось это, впрочемъ, довольно оригинально. Я однажды писалъ письмо и вдругъ почувствовалъ, что кто-то стоитъ за моей спиной. Обернувшись, я увидѣлъ Ярмолу, подошедшаго, какъ и всегда, беззвучно въ

своихъ мягкихъ лаптяхъ.

— Что̀ тебѣ, Ярмола? — спросилъ я.

— Да вотъ дивлюсь, какъ вы пишете. Вотъ бы мнѣ такъ... Нѣтъ, нѣтъ... не такъ, какъ вы, — смущенно заторопился онъ, видя, что я улыбаюсь. — Мнѣ бы только мое фамиліе...

— Зачѣмъ это тебѣ? — удивился я... (Надо замѣтить, что Ярмола считается самымъ бѣднымъ и самымъ лѣнивымъ мужикомъ во всемъ Переброд̀ѣ; жалованье и свой крестьянскій заработокъ онъ пропиваетъ; такихъ плохихъ воловъ, какъ у него, нѣтъ нигдѣ въ окрестности. По моему мнѣнію, ему-то ужъ ни въ какомъ случаѣ не могло понадобиться знаніе грамоты). Я еще разъ спросилъ съ сомнѣніемъ: — Для чего же тебѣ надо умѣть писать фамилію?

— А видите, какое дѣло, панычъ, — отвѣтилъ Ярмола необыкновенно мягко: — ни одного грамотнаго нѣтъ у насъ въ деревнѣ. Когда гумагу какую нужно подписать или въ волости дѣло, или что̀... никто не можетъ... Староста печать только кладетъ, а самъ не знаетъ, что̀ въ ней напечатано... То хорошо было бы для всѣхъ, если бы кто умѣлъ расписаться.

Такая заботливость Ярмолы — завѣдомаго браконьера, безпечнаго бродяги, съ мнѣніемъ котораго никогда даже не подумалъ бы считаться сельскій сходъ, — такая заботливость его объ общественномъ интересѣ родного села почему-то растрогала меня. Я самъ предложилъ давать ему уроки. И что̀ же это была за тяжкая работа — всѣ мои попытки выучить его сознательному чтенію и письму! Ярмола, знавшій въ совершенствѣ каждую тропинку своего лѣса, чуть ли не каждое дерево, умѣвшій оріентироваться днемъ и ночью въ какомъ угодно мѣстѣ, различавшій по слѣдамъ всѣхъ окрестныхъ волковъ, зайцевъ и лисицъ, — этотъ самый Ярмола никакъ не могъ представить себѣ, почему,

напримѣръ, буквы «м» и «а» вмѣстѣ составляютъ «ма». Обыкновенно надъ такой задачей онъ мучительно раздумывалъ минуть десять, а то и больше, при чемъ его смуглое, худое лицо съ впалыми черными глазами, все ушедшее въ жесткую черную бороду и большіе усы, выражало крайнюю степень умственнаго напряженія.

— Ну скажи, Ярмола — «ма». Просто только скажи — «ма», — приставалъ я къ нему. — Не гляди на бумагу, гляди на меня, вотъ такъ. Ну, говори — «ма»...

Тогда Ярмола глубоко вздыхалъ, клалъ на столъ указку и произносилъ грустно и рѣшительно:

— Нѣтъ... не могу...

— Какъ же не можешь? Это же вѣдь такъ легко. Скажи просто-напросто — «ма», вотъ какъ я говорю.

— Нѣтъ... не могу, панычъ... забылъ...

Всѣ методы, пріемы и сравненія разбивались объ эту чудовищную непонятливость. Но стремленіе Ярмолы къ просвѣщенію вовсе не ослабѣвало.

— Мнѣ бы только мою фамилію! — застенчиво упрашивалъ онъ меня. — Больше ничего не нужно. Только фамилію: Ярмола Попружукъ — и больше ничего.

Отказавшись окончательно отъ мысли выучить его разумному чтенію и письму, я сталъ учить его подписываться механически. Къ моему великому удивленію, этотъ способъ оказался наиболѣе доступнымъ Ярмолѣ, такъ что къ концу второго мѣсяца мы уже почти осилили фамилію. Что же касается до имени, то его, въ виду облегченія задачи, мы рѣшили совсѣмъ отбросить.

По вечерамъ, окончивъ топку печей, Ярмола съ нетерпѣніемъ дожидался, когда я позову его.

— Ну, Ярмола, давай учиться, — говорилъ я.

Онъ бокомъ подходилъ къ столу, облокачивался на него локтями, просовывалъ между своими черными,

закорузлыми, несгибающимися пальцами перо и спрашивалъ меня, поднявъ кверху брови:

— Писать?

— Пиши.

Ярмола довольно увѣренно чертилъ первую букву — «П» (эта буква у насъ носила названіе: «два стояка и сверху перекладина»); потомъ онъ смотрѣлъ на меня вопросительно:

— Что̀ жъ ты не пишешь? Забылъ?

— Забылъ... — досадливо качалъ головой Ярмола.

— Эхъ, какой ты! Ну, ставь колесо.

— А-а! Колесо, колесо!.. Знаю... — оживлялся Ярмола и старательно рисовалъ на бумагѣ вытянутую вверхъ фигуру, весьма похожую очертаніями на Каспійское море. Окончивши этотъ трудъ, онъ нѣкоторое время молча любовался имъ, наклоняя голову то на лѣвый, то на правый бокъ и щуря глаза.

— Что̀ же ты сталъ? Пиши дальше.

— Подождите немного, панычу... сейчасъ.

Минуты двѣ онъ размышлялъ, и потомъ робко спрашивалъ:

— Такъ же, какъ первая?

— Вѣрно. Пиши.

Такъ мало-по-малу мы добрались до послѣдней буквы — «к» (твердый знакъ мы отвергли), которая была у насъ извѣстна, какъ «палка, а по срединѣ палки кривуля хвостомъ набокъ».

— А что̀ вы думаете, панычу, — говорилъ иногда Ярмола, окончивъ свой трудъ и глядя на него съ любовной гордостью: — если бы мнѣ еще мѣсяцевъ съ пять или шесть поучиться, я бы совсѣмъ хорошо зналъ. Какъ вы скажете?

II.

Ярмола сидѣлъ на корточкахъ передъ заслонкой, перемѣшивая въ печкѣ уголья, а я ходилъ взадъ и впередъ по діагонали моей комнаты. Изъ всѣхъ двенадцати комнатъ огромнаго помѣщичьяго дома я занималъ только одну, бывшую диванную. Другія стояли запертыми на ключъ, и въ нихъ неподвижно и торжественно плѣсневѣла старинная штофная мебель, диковинная бронза и портреты XVIII столѣтія.

Вѣтеръ за стѣнами дома бѣсился, какъ старый, озябшій голый дьяволъ. Въ его ревѣ слышались стоны, визгъ и дикій смѣхъ. Мятель къ вечеру расходилась еще сильнѣе. Снаружи кто-то яростно бросалъ въ стекла оконъ горсти мелкаго сухого снѣга. Недалекій лѣсъ ропталъ и гудѣлъ съ непрерывной, затаенной, глухой угрозой...

Вѣтеръ забирался въ пустыя комнаты и въ печныя воющія трубы, и старый домъ, весь расшатанный, дырявый, полуразвалившійся, вдругъ оживлялся странными звуками, къ которымъ я прислушивался съ невольной тревогой. Вотъ точно вздохнуло что-то въ бѣлой залѣ, вздохнуло глубоко, прерывисто, печально. Вотъ заходили и заскрипѣли гдѣ-то далеко высохшія гнилыя половицы подъ чьими-то тяжелыми и безшумными шагами. Чудится мнѣ затѣмъ, что рядомъ съ моей комнатой, въ коридорѣ, кто-то осторожно и настойчиво нажимаетъ на дверную ручку и потомъ, внезапно разъярившись, мчится по всему дому, бѣшено потрясая всѣми ставнями и дверьми, или, забравшись въ трубу, скулитъ такъ жалобно, скучно и непрерывно, то поднимая все выше, все тоньше свой голосъ до жалобнаго визга, то опуская его внизъ, до звѣринаго рычанья. Порою Богъ вѣсть откуда врывался этотъ страшный гость и въ мою комнату, пробѣгалъ

внезапнымъ холодомъ у меня по спинѣ и колебалъ пламя лампы, тускло свѣтившей подъ зеленымъ бумажнымъ, обгорѣвшимъ сверху, абажуромъ.

На меня нашло странное, неопредѣленное безпокойство. Вотъ, думалось мнѣ, сижу я глухой и ненастной зимней ночью въ ветхомъ домѣ, среди деревни, затерявшейся въ лѣсахъ и сугробахъ, въ сотняхъ верстъ отъ городской жизни, отъ общества, отъ женскаго смѣха, отъ человѣческаго разговора... И начинало мнѣ представляться, что годы и десятки лѣтъ будетъ тянуться этотъ ненастный вечерь, будетъ тянуться вплоть до моей смерти, и такъ же будетъ ревѣть за окнами вѣтеръ, такъ же тускло будетъ горѣть лампа подъ убогимъ зеленымъ абажуромъ, такъ же тревожно буду ходить я взадъ и впередъ по моей комнатѣ, такъ же будетъ сидѣть около печки молчаливый, сосредоточенный Ярмола, — странное, чуждое мнѣ существо, равнодушное ко всему на свѣтѣ: и къ тому, что у него дома въ семьѣ ѣсть нечего, и къ бушеванію вѣтра, и къ моей неопредѣленной, разъѣдающей тоскѣ.

Мнѣ вдругъ нестерпимо захотѣлось нарушить это томительное молчаніе какимъ-нибудь подобіемъ человѣческаго голоса, и я спросилъ:

— Какъ ты думаешь, Ярмола, откуда это сегодня такой вѣтеръ?

— Вѣтеръ? — отозвался Ярмола, лѣниво подымая голову. — А панычъ развѣ не знаетъ?

— Конечно, не знаю. Откуда же мнѣ знать?

— И вправду не знаете? — оживился вдругъ Ярмола.— Это я вамъ скажу, — продолжалъ онъ съ таинственнымъ оттѣнкомъ въ голосѣ: — это я вамъ скажу: чи вѣдьмака народилась, чи вѣдьмакъ веселье справляетъ.

— Вѣдьмака — это колдунья по-вашему?

— А такъ, такъ... колдунья.

Я съ жадностью накинулся на Ярмолу. «Почемъ знать, — думалъ я: — можетъ-быть, сейчасъ же мнѣ удастся выжать изъ него какую-нибудь интересную исторію, связанную съ волшебствомъ, съ зарытыми кладами, съ вовкулаками?..»

— Ну, а у васъ здѣсь, на Полѣсьѣ, есть вѣдьмы? — спросилъ я.

— Не знаю... Можетъ, есть, — отвѣтилъ Ярмола съ прежнимъ равнодушіемъ и опять нагнулся къ печкѣ. — Старые люди говорятъ, что были когда-то... Можетъ, и неправда...

Я сразу разочаровался. Характерной чертой Ярмолы была упорная несловоохотность, и я ужъ не надѣялся добиться отъ него ничего больше объ этомъ интересномъ предметѣ. Но, къ моему удивленію, онъ вдругъ заговорилъ съ лѣнивой небрежностью и какъ будто бы обращаясь не ко мнѣ, а къ гудѣвшей печкѣ:

— Была у насъ лѣтъ пять тому назадъ такая вѣдьма... Только ее хлопцы съ села прогнали!

— Куда же они ее прогнали?

— Куда!.. Извѣстно, въ лѣсъ... Куда же еще? И хату ся сломали, чтобы отъ того проклятаго кубла и щепокъ не осталось... А саму ее вывели за вышницы и по шеѣ.

— За что же такъ съ ней обошлись?

— Вреда отъ нея много было: ссорилась со всѣми, зелье подъ хаты подливала, закрутки вязала въ житѣ... Одинъ разъ просила она у нашей молодицы злотъ (15 к.). Та ей говоритъ: «Нѣтъ у меня злота, отстань». — «Ну, добре, говоритъ, будешь ты помнить, какъ мнѣ злотаго не дала...» И что же вы думаете, панычу: съ тѣхъ самыхъ поръ стало у молодицы дитя болѣть. Болѣло, болѣло, да и совсѣмъ умерло. Вотъ тогда хлопцы вѣдьмаку и прогнали, пусть ей очи повылазятъ...

— Ну, а гдѣ же теперь эта вѣдьмака? — продолжалъ я любопытствовать.

— Вѣдьмака? — медленно переспросилъ, по своему обыкновенію, Ярмола. — А я знаю?

— Развѣ у нея не осталось въ деревнѣ какой-нибудь родни?

— Нѣтъ, не осталось. Да она чужая была, изъ кацапокъ, чи изъ цыгановъ... Я еще маленькимъ хлопцемъ былъ, когда она пришла къ намъ на село. И дѣвочка съ ней была: дочка или внучка... Обѣихъ прогнали...

— А теперь къ ней развѣ никто не ходитъ: погадать тамъ или зелья какого-нибудь попросить?

— Бабы бѣгаютъ, — пренебрежительно уронилъ Ярмола.

— Ага! Значитъ, все-таки извѣстно, гдѣ она живетъ?

— Я не знаю... Говорятъ люди, что гдѣ-то около Басова Кута она живетъ... Знаете — болото, чтò за Ириновскимъ шляхомъ. Такъ вотъ въ этомъ болотѣ она и сидитъ, трясьця ея матери!

«Вѣдьма живетъ въ какихъ-нибудь десяти верстахъ отъ моего дома... настоящая, живая, полѣсская вѣдьма!» Эта мысль сразу заинтересовала и взволновала меня.

— Послушай, Ярмола, — обратился я къ полѣсовщику: — а какъ бы мнѣ съ ней познакомиться, съ этой вѣдьмой?

— Тфу! — сплюнулъ съ негодованіемъ Ярмола. — Вотъ еще добро нашли.

— Добро или недобро, а я къ ней все равно пойду. Какъ только немного потеплѣетъ, сейчасъ же и отправлюсь. Ты меня, конечно, проводишь?

Ярмолу такъ поразили послѣднія слова, что онъ даже вскочилъ съ полу.

— Я?! — воскликнулъ онъ съ негодованіемъ. — А и ни за что! Пусть оно тамъ Богъ вѣдаетъ что̀, а я не пойду.

— Ну вотъ глупости, пойдешь.

— Нѣтъ, панычу, не пойду... ни за что не пойду... Чтобы я?! — опять воскликнулъ онъ, охваченный новымъ наплывомъ возмущенія: — чтобы я пошелъ до вѣдьмачьяго кубла? Да пусть меня Богъ боронитъ. И вамъ не совѣтую, панычъ.

— Какъ хочешь... а я все-таки пойду. Мнѣ очень любопытно на нее посмотрѣть.

— Ничего тамъ нѣтъ любопытнаго, — пробурчалъ Ярмола, съ сердцемъ захлопывая печную дверку.

Часъ спустя, когда онъ, уже убравъ самоваръ и напившись въ темныхъ сѣняхъ чаю, собирался итти домой, я спросилъ:

— Какъ зовутъ эту вѣдьму?

— Мануйлиха, — отвѣтилъ Ярмола съ грубой мрачностью.

Онъ хотя и не высказывалъ никогда своихъ чувствъ, но, кажется, сильно ко мнѣ привязался; привязался за нашу общую страсть къ охотѣ, за мое простое обращеніе, за помощь, которую я изрѣдка оказывалъ его вѣчно голодающей семьѣ, а главнымъ образомъ за то, что я одинъ на всемъ свѣтѣ не корилъ его пьянствомъ, чего Ярмола терпѣть не могъ. Поэтому моя рѣшимость познакомиться съ вѣдьмой привела его въ отвратительное настроеніе духа, которое онъ выразилъ только усиленнымъ сопѣніемъ да еще тѣмъ, что, выйдя на крыльцо, изъ всей силы ударилъ ногой въ бокъ свою собаку — Рябчика. Рябчикъ отчаянно завизжалъ и отскочилъ въ сторону, но тотчасъ же побѣжалъ вслѣдъ за Ярмолой, не переставая скулить.

III.

Дня черезъ три потеплѣло. Однажды утромъ, очень рано, Ярмола вошелъ въ мою комнату и заявилъ небрежно:

— Нужно ружья почистить, панычъ.

—А чтò? — спросилъ я, потягиваясь подъ одѣяломъ.

— Заяцъ ночью сильно походилъ: слѣдовъ много. Можетъ, пойдемъ на пановку?

Я видѣлъ, что Ярмолѣ не терпится скорѣе пойти въ лѣсъ, но онъ скрываетъ это страстное желаніе охотника подъ напускнымъ равнодушіемъ. Дѣйствительно въ передней уже стояла его одностволка, отъ которой не ушелъ еще ни одинъ бекасъ, несмотря на то, что вблизи дула она была украшена нѣсколькими оловянными заплатами, наложенными въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ржавчина и пороховые газы проѣли желѣзо.

Едва войдя въ лѣсъ, мы тотчасъ же напали на заячій слѣдъ: двѣ лапки рядомъ и двѣ позади одна за другой. Заяцъ вышелъ на дорогу, прошелъ по ней саженъ двѣсти и сдѣлалъ съ дороги огромный прыжокъ въ сосновый молоднякъ.

— Ну, теперь будемъ обходить его, — сказалъ Ярмола. — Какъ далъ столба, такъ тутъ сейчасъ и ляжетъ. Вы, панычъ, идите... — Онъ задумался, соображая по какимъ-то ему одному извѣстнымъ примѣтамъ, куда меня направить... — Вы идите до старой корчмы. А я его обойду отъ Замлына. Какъ только собака его выгонитъ, я буду гукать вамъ.

И онъ тотчасъ же скрылся, точно нырнулъ въ густую чащу мелкаго кустарника. Я прислушался. Ни одинъ звукъ не выдалъ его браконьерской походки, ни одна вѣточка не треснула подъ его ногами, обутыми въ лыковые постолы.

Я неторопливо дошелъ до старой корчмы — нежилой, развалившейся хаты, и сталъ на опушкѣ хвойнаго лѣса, подъ высокой сосной съ прямымъ голымъ стволомъ. Было такъ тихо, какъ только бываетъ въ лѣсу зимою, въ безвѣтреный день. Нависшіе на вѣтвяхъ пышные комья снѣга давили ихъ книзу, придавая имъ чудесный, праздничный и холодный видъ. По временамъ срывалась съ вершины тоненькая вѣточка, и чрезвычайно ясно слышалось, какъ она, падая, съ легкимъ трескомъ задѣвала за другія вѣтви. Снѣгъ розовѣлъ на солнцѣ и синѣлъ въ тѣни. Мной овладѣло тихое очарованіе этого торжественнаго, холоднаго безмолвія, и мнѣ казалось, что я чувствую, какъ время медленно и безшумно проходитъ мимо меня...

Вдругъ далеко, въ самой чащѣ, раздался лай Рябчика, — характерный лай собаки, идущей за звѣремъ: тоненькій, заливчатый и нервный, почти переходящій въ визгъ. Тотчасъ же услышалъ я и голосъ Ярмолы, кричавшаго съ ожесточеніемъ вслѣдъ собакѣ: «У — бый! У — бый!», первый слогъ — протяжнымъ рѣзкимъ фальцетомъ, а второй — отрывистой басовой нотой (я только много времени спустя дознался, что этотъ охотничій полѣсскій крикъ происходитъ отъ глагола «убивать»).

Мнѣ казалось, судя по направленію лая, что собака гонитъ влѣво отъ меня, и я торопливо побѣжалъ черезъ полянку, чтобы перехватить звѣря. Но не успѣлъ я сдѣлать и двадцати шаговъ, какъ огромный сѣрый заяцъ выскочилъ изъ-за пня и, какъ будто бы не торопясь, заложивъ назадъ длинныя уши, высокими, рѣдкими прыжками перебѣжалъ черезъ дорогу и скрылся въ молоднякѣ. Слѣдомъ за нимъ стремительно вылетѣлъ Рябчикъ. Увидѣвъ меня, онъ слабо махнулъ хвостомъ, торопливо куснулъ нѣсколько разъ зубами снѣгъ и опять погналъ зайца.

Ярмола вдругъ такъ же безшумно вынырнулъ изъ чащи.

— Что̀ же вы, панычъ, не стали ему на дорогѣ? — крикнулъ онъ и укоризненно зачмокалъ языкомъ.

— Да вѣдь далеко было... больше двухсотъ шаговъ.

Видя мое смущеніе, Ярмола смягчился.

— Ну, ничего... Онъ отъ насъ не уйдетъ. Идите на Ириновскій шляхъ, — онъ сейчасъ туда выйдетъ.

Я пошелъ по направленію Ириновскаго шляха и уже черезъ минуты двѣ услыхалъ, что собака опять гонитъ гдѣ-то недалеко отъ меня. Охваченный охотничьимъ волненіемъ, я побѣжалъ, держа ружье наперевѣсъ, сквозь густой кустарникъ, ломая вѣтви и не обращая вниманія на ихъ жестокіе удары. Я бѣжалъ такъ довольно долго и уже сталъ задыхаться, какъ вдругъ лай собаки прекратился. Я пошелъ тише. Мнѣ казалось, что если я буду итти все прямо, то непремѣнно встрѣчусь съ Ярмолой на Ириновскомъ шляху. Но вскорѣ я убѣдился, что во время моего бѣга, огибая кусты и пни и совсѣмъ не думая о дорогѣ, я заблудился. Тогда я началъ кричать Ярмолѣ. Онъ не откликался.

Между тѣмъ машинально я шелъ все дальше. Лѣсъ рѣдѣлъ понемногу, почва опускалась и становилась кочковатой. Слѣдъ, оттиснутый на снѣгу моей ногой, быстро темнѣлъ и наливался водой. Нѣсколько разъ я уже проваливался по колѣна. Мнѣ приходилось перепрыгивать съ кочки на кочку; въ покрывавшемъ ихъ густомъ буромъ мху ноги тонули точно въ мягкомъ коврѣ.

Кустарникъ скоро совсѣмъ окончился. Передо мной было большое круглое болото, занесенное снѣгомъ, изъ-подъ бѣлой пелены котораго торчали рѣдкія кочки. На противоположномъ концѣ болота, между деревьями, выглядывали бѣлыя стѣны какой-то хаты. «Вѣроятно,

здѣсь живетъ ириновскій лѣсникъ, — подумалъ я. — Надо зайти и разспросить у него дорогу».

Но дойти до хаты было не такъ-то легко. Каждую минуту я увязалъ въ трясинѣ. Сапоги мои набрали воды и при каждомъ шагѣ громко хлюпали; становилось невмочь тянуть ихъ за собою.

Наконецъ я перебрался черезъ это болото, взобрался на маленькій пригорокъ и теперь могъ хорошо разсмотрѣть хату. Это даже была не хата, а именно сказочная избушка на курьихъ ножкахъ. Она не касалась поломъ земли, а была построена на сваяхъ, вѣроятно, въ виду половодья, затопляющаго весною весь Ириновскій лѣсъ. Но одна сторона ея отъ времени осѣла, и это придавало избушкѣ хромой и печальный видъ. Въ окнахъ недоставало нѣсколькихъ стеколъ; ихъ замѣняли какія-то грязныя ветошки, выпиравшіяся горбомъ наружу.

Я нажалъ на клямку и отворилъ дверь. Въ хатѣ было очень темно, а у меня, послѣ того, какъ я долго глядѣлъ на снѣгъ, ходили передъ глазами фіолетовые круги; поэтому я долго не могъ разобрать, есть ли кто-нибудь въ хатѣ.

— Эй, добрые люди, кто изъ васъ дома? — спросилъ я громко.

Около печки что-то завозилось. Я подошелъ поближе и увидалъ старуху, сидѣвшую на полу. Передъ ней лежала огромная куча куриныхъ перьевъ. Старуха брала отдѣльно каждое перо, сдирала съ него бородку и клала пухъ въ корзину, а стержни бросала прямо на землю.

«Да вѣдь это — Мануйлиха, ириновская вѣдьма», — мелькнуло у меня въ головѣ, едва я только повнимательнѣе вглядѣлся въ старуху. Всѣ черты бабы-яги, какъ ее изображаетъ народный эпосъ, были налицо: худыя щеки, втянутыя внутрь, переходили внизу въ

острый, длинный, дряблый подбородокъ, почти соприкасавшійся съ висящимъ внизъ носомъ; провалившійся беззубый ротъ безпрестанно двигался, точно пережевывая что-то; выцвѣтшіе, когда-то голубые глаза, холодные, круглые, выпуклые, съ очень короткими красными вѣками, глядѣли точно глаза невиданной зловѣщей птицы.

— Здравствуй, бабка! — сказалъ я какъ можно привѣтливѣе.— Тебя ужъ не Мануйлихой ли зовутъ?

Въ отвѣтъ что-то заклокотало и захрипело въ груди у старухи; потомъ изъ ея беззубаго, шамкающаго рта вырвались странные звуки, то похожіе на задыхающееся карканье старой ворòны, то вдругъ переходившіе въ сиплую, обрывающуюся фистулу:

— Прежде, можетъ, и Мануйлихой звали добрые люди... А теперь зовутъ зовуткой, а величаютъ уткой. Тебе чтò надо-то? — спросила она недружелюбно и не прекращая своего однообразнаго занятія.

— Да вотъ, бабушка, заблудился я. Можетъ, у тебя молоко найдется?

— Нѣтъ молока, — сердито отрезала старуха. — Много васъ по лѣсу ходитъ... Всѣхъ не напоишь, не накормишь...

— Ну, бабушка, неласковая же ты до гостей.

— И верно, батюшка: совсѣмъ неласковая. Разносоловъ для васъ не держимъ. Усталъ — посиди, никто тебя изъ хаты не гонитъ. Знаешь, какъ въ пословицѣ говорится: «Приходите къ намъ на завалинкѣ посидѣть, у нашего праздника звона послушать, а обѣдать къ вамъ мы и сами догадаемся». Такъ-то вотъ...

Эти обороты речи сразу убѣдили меня, что старуха дѣйствительно пришлая въ этомъ краѣ; здѣсь не любятъ и не понимаютъ хлесткой, уснащенной редкими словцами рѣчи, которой такъ охотно щеголяетъ краснобай-сѣверянинъ. Между тѣмъ старуха, продолжая

механически свою работу, все еще бормотала что-то себѣ подъ носъ, но все тише и невнятнѣе. И разбиралъ только отдѣльныя слова, не имѣвшія между собой никакой связи: «Вотъ тебѣ и бабушка Мануйлиха... А кто такой — невѣдомо... Лѣта-то мои не маленькія... Ногами егозитъ, стрекочитъ, сокочитъ — чистая сорока...»

Я нѣкоторое время молча прислушивался, и внезапная мысль, что передо мною — сумасшедшая женщина, вызвала у меня ощущеніе брезгливаго страха.

Однако я успѣлъ осмотрѣться вокругъ себя. Бо̀льшую часть избы занимала огромная облупившаяся печка. Образовъ въ переднемъ углу не было. По стѣнамъ, вмѣсто обычныхъ охотниковъ съ зелеными усами и фіолетовыми собаками и портретовъ никому невѣдомыхъ генераловъ, висѣли пучки засушенныхъ травъ, связки сморщенныхъ корешковъ и кухонная посуда. Ни совы ни чернаго кота я не замѣтилъ, но зато съ печки два рябыхъ солидныхъ скворца глялѣли на меня съ удивленнымъ и недовѣрчивымъ видомъ.

— Бабушка, а воды-то у васъ по крайней мѣрѣ можно напиться? — спросилъ я, возвышая голосъ.

— А вонъ, въ кадкѣ, — кивнула головой старуха.

Вода отзывала болотной ржавчиной. Поблагодаривъ старуху (на что она не обратила ни малѣйшаго вниманія), я спросилъ ее, какъ мнѣ выйти на шляхъ.

Она вдругъ подняла голову, поглялѣла на меня пристально своими холодными птичьими глазами и забормотала торопливо:

— Иди, иди... Иди, молодецъ, своей дорогой. Нечего тутъ тебѣ дѣлать. Хорошъ гость въ гостинку... Ступай, батюшка, ступай...

Мнѣ дѣйствительно ничего больше не оставалось, какъ уйти. Но вдругъ мнѣ пришло въ голову

попытать послѣднее средство, чтобы хоть немного смягчить суровую старуху. Я вынулъ изъ кармана новый серебряный четвертакъ и протянулъ его Мануйлихѣ. Я не ошибся: при видѣ денегъ старуха зашевелилась, глаза ея раскрылись еще больше, и она потянулась за монетой своими скрюченными, узловатыми, дрожащими пальцами.

— Э, нѣтъ, бабка Мануйлиха, даромъ не дамъ, — поддразнилъ я ее, пряча монету. — Ну-ка, погадай мнѣ.

Коричневое, сморщенное лицо колдуньи собралось въ недовольную гримасу. Она, повидимому, колебалась и нерешительно глялѣла на мой кулакъ, где были зажаты деньги. Но жадность взяла верхъ.

— Ну, ну, пойдемъ, что ли, пойдемъ, — прошамкала она, съ трудомъ подымаясь съ полу. — Никому я не ворожу теперь, касатикъ... Забыла... Стара стала, глаза не видятъ. Только для тебя развѣ.

Держась за стѣну, сотрясаясь на каждомъ шагу сгорбленнымъ тѣломъ, она подошла къ столу, достала колоду бурыхъ, распухшихъ отъ времени картъ, стасовала ихъ и придвинула ко мнѣ.

— Сыми-ка... Лѣвой ручкой сыми... Отъ сердца...

Поплевавъ на пальцы, она начала раскладывать кабалу. Карты падали на столъ съ такимъ звукомъ, какъ будто бы онѣ были сваляны изъ тѣста, и укладывались въ правильную восьмиконечную звѣзду. Когда послѣдняя карта легла рубашкой вверхъ на короля, Мануйлиха протянула ко мнѣ руку.

— Позолоти, баринъ хорошій... Счастливъ будешь, богатъ будешь.... — запѣла она попрошайническимъ, чисто-цыганскимъ тономъ.

Я сунулъ ей приготовленную монету. Старуха проворно, по-обезьяньи, спрятала ее за щеку.

— Большой интересъ тебѣ выходитъ черезъ дальнюю дорогу, — начала она привычной

скороговоркой. — Встрѣча съ бубновой дамой и какой-то пріятный разговоръ въ важномъ домѣ. Въ скорости получишь неожиданное извѣстіе отъ трефоваго короля. Падаютъ тебѣ какія-то хлопоты, а потомъ опять падаютъ какія-то небольшія деньги. Будешь въ большой комнаніи, пьянъ будешь... Не такъ, чтобы очень сильно, а все-таки выходитъ тебѣ выпивка. Жизнь твоя будетъ долгая. Если въ 67 лѣтъ не умрешь, то...

Вдругъ она остановилась, подняла голову, точно къ чему-то прислушиваясь. Я тоже насторожился. Чей-то женскій голосъ, свѣжій, звонкій и сильный, пѣлъ, приближаясь къ хатѣ. Я тоже узналъ слова граціозной малорусской пѣсенки:

Ой чи цвитъ, чи ни цвитъ
Калиноньку ломитъ.
Ой чи сонъ, чи не сонъ
Головоньку клонитъ.

— Ну иди, иди теперь, соколикъ, — тревожно засуетилась старуха, отстраняя меня рукой отъ стола. — Нечего тебѣ по чужимъ хатамъ околачиваться. Иди, куда шелъ...

Она даже ухватила меня за рукавъ моей куртки и тянула къ двери. Лицо ея выражало какое-то звѣриное безпокойство.

Голосъ, пѣвшій пѣсню, вдругъ оборвался совсѣмъ близко около хаты, громко звякнула желѣзная клямка, и въ просвѣтѣ быстро распахнувшейся двери показалась рослая смѣющаяся дѣвушка. Обѣими руками она бережно поддерживала полосатый передникъ, изъ котораго выглядывали три крошечныхъ птичьихъ головки съ красными шейками и черными блестящими глазенками.

— Смотри, бабушка, зяблики опять за мною

увязались, — воскликнула она, громко смѣясь: — посмотри, какіе смѣшные... Голодные совсѣмъ. А у меня, какъ нарочно, хлѣба съ собой не было.

Но, увидѣвъ меня, она вдругъ замолчала и вспыхнула густымъ румянцемъ. Ея тонкія черныя брови недовольно сдвинулись, а глаза съ вопросомъ обратились на старуху.

— Вотъ баринъ зашелъ... Пытаетъ дорогу, — пояснила старуха. — Ну, батюшка, — съ рѣшительнымъ видомъ обернулась она ко мнѣ: — будетъ тебѣ прохлаждаться. Напился водицы, поговорилъ, да пора и честь знать. Мы тебѣ не компанія...

— Послушай, красавица, — сказалъ я дѣвушкѣ. — Покажи мнѣ, пожалуйста, дорогу на Ириновскій шляхъ, а то изъ вашего болота во вѣки вѣковъ не выберешься.

Должно-быть, на нее подѣйствовалъ мягкій, просительный тонъ, который я придалъ этимъ словамъ. Она бережно посадила на печку, рядомъ со скворцами, своихъ зябликовъ, бросила на лавку скинутую уже короткую свитку и молча вышла изъ хаты.

Я послѣдовалъ за ней.

— Это у тебя все ручныя птицы? — спросилъ я, догоняя дѣвушку.

— Ручныя, — отвѣтила она отрывисто и даже невзглянувъ на меня. — Ну вотъ, глядите, — сказала она, останавливаясь у плетня. — Видите тропочку, вонъ, вонъ, между соснами-то? Видите?

— Вижу...

— Идите по ней все прямо. Какъ дойдете до дубовой колоды, повернете налѣво. Такъ прямо, все лѣсомъ, лѣсомъ и идите. Тутъ сейчасъ вамъ и будетъ Ириновскій шляхъ.

Въ то время, когда она вытянутой правой рукой показывала мнѣ направленіе дороги, я невольно

Глазуновъ И.С. Олеся

залюбовался ею. Въ ней не было ничего похожаго на мѣстныхъ «дивчатъ», лица которыхъ подъ уродливыми повязками, прикрывающими сверху лобъ, а снизу ротъ и подбородокъ, носятъ такое однообразное, испуганное выраженіе. Моя незнакомка, высокая брюнетка лѣтъ около 20—25, держалась легко и стройно. Просторная бѣлая рубаха свободно и красиво обвивала ея молодую, здоровую грудь. Оригинальную красоту ея лица, разъ его увидѣвъ, нельзя было позабыть, но трудно было даже привыкнуть къ нему, его описать. Прелесть его заключалась въ этихъ большихъ, блестящихъ, темныхъ глазахъ, которымъ тонкія, надломленныя посединѣ брови придавали неуловимый оттѣнокъ лукавства, властности и наивности; въ смугло-розовомъ тонѣ кожи, въ своевольномъ изгибѣ губъ, изъ которыхъ нижняя, нѣсколько болѣе полная, выдавалась впередъ съ рѣшительнымъ и капризнымъ видомъ.

— Неужели вы не боитесь жить однѣ въ такой глуши? — спросилъ я, остановившись у забора.

Она равнодушно пожала плечами.

— Чего же намъ бояться? Волки сюда не заходятъ.

— Да развѣ волки одни... Снѣгомъ васъ занести можетъ, пожаръ можетъ случиться... И мало ли что̀ еще. Вы здѣсь однѣ, вамъ и помочь никто не успѣетъ.

— И слава Богу! — махнула она пренебрежительно рукой. — Какъ бы насъ съ бабкой вовсе въ покоѣ оставили, такъ лучше бы было, а то...

— А то что̀?

— Много будете знать, скоро состаритесь, — отрѣзала она. — Да вы сами-то кто будете? — спросила она тревожно.

Я догадался, что, вѣроятно, и старуха и эта красавица боятся какихъ-нибудь утѣсненій со стороны «предержащихъ», и поспѣшилъ ее успокоить.

Дробязинъ Е.М. Олеся

— О! Ты, пожалуйста, не тревожься. Я ни урядникъ, ни писарь, ни акцизный, словомъ — я никакое начальство.

— Нѣтъ, вы правду говорите?

— Даю тебѣ честное слово. Ей-Богу, я самый

посторонній человѣкъ. Просто, пріѣхалъ сюда погостить на нѣсколько мѣсяцевъ, а тамъ и уѣду. Если хочешь, я даже никому не скажу, что былъ здѣсь и видѣлъ васъ. Ты мнѣ вѣришь?

Лицо дѣвушки немного прояснилось.

— Ну, значитъ, коль не врете, такъ правду говорите. А вы какъ: раньше объ насъ слышали или сами зашли?

— Да я и самъ не знаю, какъ тебѣ сказать... Слышать-то я слышалъ, положимъ, и даже хотѣлъ когда-нибудь забрести къ вамъ, а сегодня зашелъ случайно — заблудился... Ну, а теперь скажи, чего вы людей боитесь? Что̀ они вамъ злого дѣлаютъ?

Она поглядѣла на меня съ испытующимъ недовѣріемъ. Но совѣсть у меня была чиста, и я, не сморгнувъ, выдержалъ этотъ пристальный взглядъ. Тогда она заговорила съ возрастающимъ волненіемъ:

— Плохо намъ отъ нихъ приходится... Простые люди еще ничего, а вотъ начальство... Пріѣдетъ урядникъ — тащитъ, пріѣдетъ становой — тащитъ. Да еще прежде, чѣмъ взять-то, надъ бабкой надругается: ты, говорятъ, вѣдьма, чертовка, каторжница... Эхъ! Да что̀ и говорить!

— А тебя не трогаютъ? — сорвался у меня неосторожный вопросъ.

Она съ надменной самоувѣренностью повела головой снизу вверхъ, и въ ея сузившихся глазахъ мелькнуло злое торжество...

— Не трогаютъ... Одинъ разъ сунулся ко мнѣ землемѣръ какой-то... Поласкаться ему, видишь, захотѣлось... Такъ, должно-быть, и до сихъ поръ не забылъ, какъ я его приласкала.

Въ этихъ насмѣшливыхъ, но своеобразно-гордыхъ словахъ прозвучало столько грубой независимости, что я невольно подумалъ: «Однако

недаромъ ты выросла среди полѣсскаго бора, — съ тобой и впрямь опасно шутить».

— А мы развѣ трогаемъ кого-нибудь! — продолжала она, проникаясь ко мнѣ все бо̀льшимъ довѣріемъ. — Намъ и людей не надо. Разъ въ годъ только схожу я въ мѣстечко купить мыла да соли... Да вотъ еще бабушкѣ чаю, — чай она у меня любитъ. А то хоть бы и вовсе никого не видѣть.

— Ну, я вижу, вы съ бабушкой людей не жалуете... А мнѣ можно когда-нибудь зайти на минуточку?

Она засмѣялась и — какъ странно, какъ неожиданно измѣнилось ея красивое лицо! Прежней суровости въ немъ и слѣда не осталось: оно вдругъ сдѣлалось свѣтлымъ, застѣнчивымъ, дѣтскимъ.

— Да что̀ у насъ вамъ дѣлать? Мы съ бабкой скучныя... Что̀ жъ, заходите, пожалуй, коли вы и впрямь добрый человѣкъ. Только вотъ что̀... вы ужъ если когда къ намъ забредете, такъ безъ ружья лучше...

— Ты боишься?

— Чего мнѣ бояться? Ничего я не боюсь, — и въ ея голосѣ опять послышалась увѣренность въ своей силѣ. — А только не люблю я этого. Зачѣмъ бить пташекъ или вотъ зайцевъ тоже. Никому они худого не дѣлаютъ, а жить имъ хочется такъ же, какъ и намъ съ вами. Я ихъ люблю: они маленькіе, глупые такіе... Ну, однако до свиданія, — заторопилась она: — не знаю, какъ величать-то васъ по имени... Боюсь, бабка браниться станетъ.

И она легко и быстро побѣжала въ хату, наклонивъ внизъ голову и придерживая руками разбившіеся отъ вѣтра волосы.

— Постой, постой! — крикнулъ я. — Какъ тебя зовутъ-то? Ужъ будемъ знакомы какъ слѣдуетъ.

Она остановилась на мгновеніе и обернулась ко

мнѣ.

— Аленой меня зовутъ... По-здѣшнему — Олеся.

Я вскинулъ ружье на плечи и пошелъ по указанному мнѣ направленію. Поднявшись на небольшой холмикъ, откуда начиналась узкая, едва замѣтная лѣсная тропинка, я оглянулся. Красная юбка Олеси, слегка колеблемая вѣтромъ, еще виднѣлась на крыльцѣ хаты, выдѣляясь яркимъ пятномъ на ослѣпительно-бѣломъ, ровномъ фонѣ снѣга.

Черезъ часъ послѣ меня пришелъ домой Ярмола. По своей обычной неохотѣ къ праздному разговору, онъ ни слова не спросилъ меня о томъ, какъ и гдѣ я заблудился. Онъ только сказалъ какъ будто бы вскользь:

— Тамъ... я зайца на кухню занесъ... жарить будемъ, или пошлете кому-нибудь?

— А вѣдь ты не знаешь, Ярмола, гдѣ я былъ сегодня? — сказалъ я, заранѣе представляя себѣ удивленіе полѣсовщика.

— Отчего же мнѣ не знать? — грубо проворчалъ Ярмола.— Извѣстно, къ вѣдьмакамъ ходили...

— Какъ же ты узналъ это?

— А почему же мнѣ не узнать? Слышу, что вы голоса не подаете, ну я и вернулся на вашъ слѣдъ... Эхъ, паны-ычъ! — прибавилъ онъ съ укоризненной досадой. — Не слѣдоваетъ вамъ такими дѣлами заниматься... Грѣхъ!..

IV.

Весна наступила въ этомъ году ранняя, дружная и — какъ всегда на Полѣсьѣ — неожиданная. Побѣжали по деревенскимъ улицамъ бурливые, коричневые, сверкающіе ручейки, сердито пѣнясь вокругъ встрѣчныхъ каменьевъ и быстро вертя щепки и гусиный пухъ; въ огромныхъ лужахъ воды отразилось голубое

небо съ плывущими по нему круглыми, точно крутящимися, бѣлыми облаками; съ крышъ посыпались частыя звонкія капли. Воробьи, стаями обсыпавшіе придорожныя ветлы, кричали такъ громко и возбужденно, что ничего нельзя было разслышать за ихъ крикомъ. Вездѣ чувствовалась радостная, торопливая тревога жизни.

Снѣгъ сошелъ, оставшись еще кое-гдѣ грязными рыхлыми клочками въ лощинахъ и тѣнистыхъ перелѣскахъ. Изъ-подъ него выглянула обнаженная, мокрая, теплая земля, отдохнувшая за зиму и теперь полная свѣжихъ соковъ, полная жажды новаго материнства. Надъ черными нивами вился легкій парокъ, наполнявшій воздухъ запахомъ оттаявшей земли, — тѣмъ свѣжимъ, вкрадчивымъ и могучимъ, пьянымъ запахомъ весны, который даже и въ городѣ узнаешь среди сотенъ другихъ запаховъ. Мнѣ казалось, что вмѣстѣ съ этимъ ароматомъ вливалась въ мою душу весенняя грусть, сладкая и нѣжная, исполненная безпокойныхъ ожиданій и смутныхъ предчувствій, — поэтическая грусть, дѣлающая въ вашихъ глазахъ всѣхъ женщинъ хорошенькими и всегда приправленная неопредѣленными сожалѣніями о прошлыхъ вёснахъ. Ночи стали теплѣе; въ ихъ густомъ влажномъ мракѣ чувствовалась незримая, спѣшная творческая работа природы...

Въ эти весенніе дни образъ Олеси не выходилъ изъ моей головы. Мнѣ нравилось, оставшись одному, лечь, зажмурить глаза, чтобы лучше сосредоточиться, и безпрестанно вызывать въ своемъ воображеніи ея то суровое, то лукавое, то сіяющее нѣжной улыбкой лицо, ея молодое тѣло, выросшее въ привольѣ стараго бора такъ же стройно и такъ же могуче, какъ растутъ молодыя ёлочки, ея свѣжій голосъ съ неожиданными низкими бархатными нотками... «Во всѣхъ ея

движеніяхъ, въ ея словахъ, — думалъ я: — есть что-то благородное (конечно, въ лучшемъ смыслѣ этого довольно пошлаго слова), какая-то врожденная изящная умѣренность...» Также привлекалъ меня къ Олесѣ и нѣкоторый ореолъ окружавшей ее таинственности, суевѣрная репутація вѣдьмы, жизнь въ лѣсной чащѣ среди болота и въ особенности — эта гордая увѣренность въ свои силы, сквозившая въ немногихъ обращенныхъ ко мнѣ словахъ.

Нѣтъ ничего мудренаго, что, какъ только немного просохли лѣсныя тропинки, я отправился въ избушку на курьихъ ножкахъ. На случай, если бы понадобилось успокоить ворчливую старуху, я захватилъ съ собою полфунта чаю и нѣсколько пригоршенъ кусковъ сахару.

Я засталъ обѣихъ женщинъ дома. Старуха возилась около ярко пылавшей печи, а Олеся пряла ленъ, сидя на очень высокой скамейкѣ; когда я, входя, стукнулъ дверью, она обернулась, нитка оборвалась подъ ея руками, и веретено покаталось по полу.

Старуха нѣкоторое время внимательно и сердито вглядывалась въ меня, сморщившись и заслоняя лицо ладонью отъ жара печки.

— Здравствуй, бабуся! — сказалъ я громкимъ, бодрымъ голосомъ. — Не узнаёшь, должно-быть, меня? Помнишь, я въ прошломъ мѣсяцѣ заходилъ про дорогу спрашивать? Ты мнѣ еще гадала?

— Ничего не помню, батюшка, — зашамкала старуха, недовольно тряся головой: — ничего не помню. И что ты у насъ позабылъ, — никакъ не пойму. Что мы тебе за компанія? Мы люди простые, сѣрые... Нечего тебѣ у насъ дѣлать. Лѣсъ великъ, есть мѣсто, гдѣ разойтись... такъ-то...

Ошеломленный нелюбезнымъ пріемомъ, я совсѣмъ потерялся и очутился въ томъ глупомъ

положеніи, когда не знаешь, что̀ дѣлать: обратить ли грубость въ шутку, или самому разсердиться, или наконецъ, не сказавъ ни слова, повернуться и уйти назадъ. Невольно я повернулся съ безпомощнымъ выраженіемъ къ Олесѣ. Она чуть-чуть улыбнулась съ оттѣнкомъ не злой насмѣшки, встала изъ-за прялки и подошла къ старухѣ.

— Не бойся, бабка, — сказала она примирительно: — это не лихой человѣкъ, онъ намъ худого не сдѣлаетъ. Милости просимъ садиться, — прибавила она, указывая мнѣ на лавку въ переднемъ углу и не обращая болѣе вниманія на воркотню старухи.

Ободренный ея вниманіемъ, я догадался выдвинуть самое рѣшительное средство.

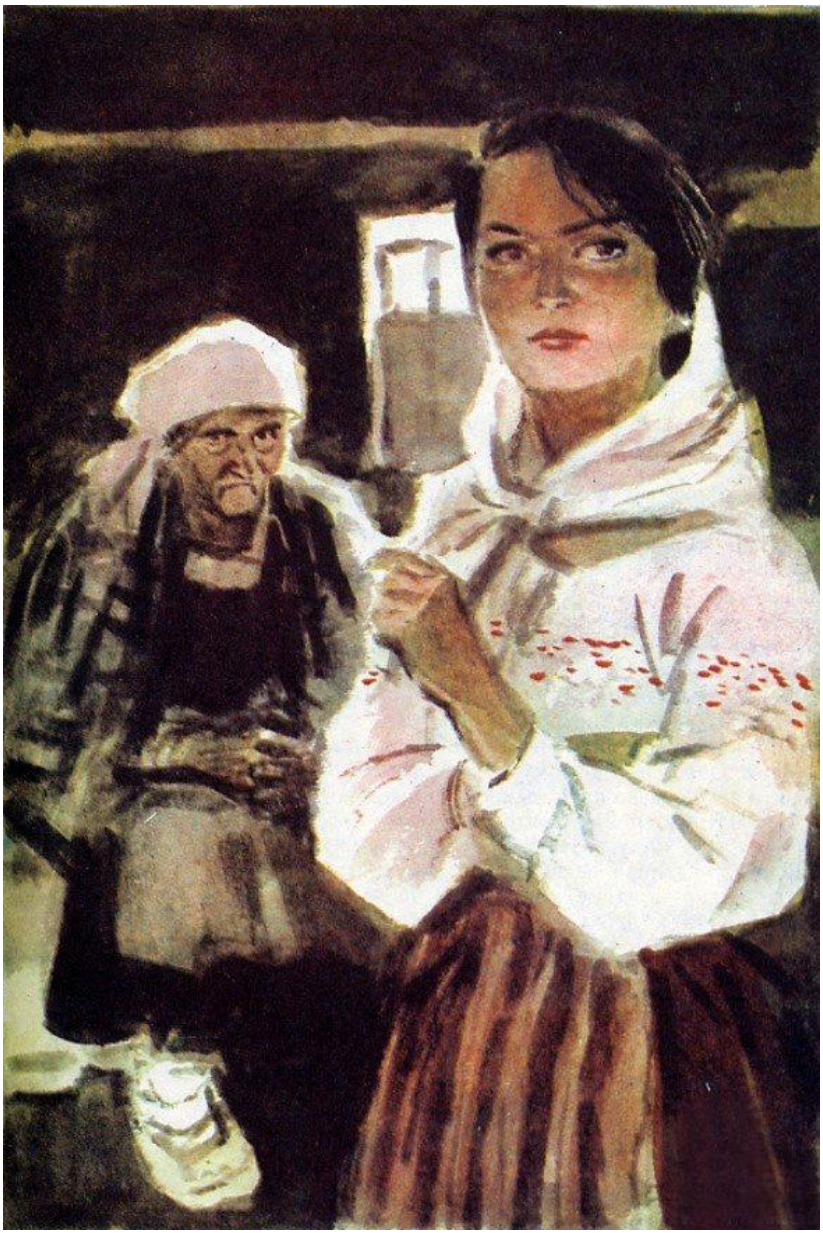
— Какая же ты сердитая, бабуся... Чуть гости на порогъ, а ты сейчасъ и бранишься. А я-было тебѣ гостинцу принесъ, — сказалъ я, доставая изъ сумки свои свертки.

Старуха бросила быстрый взглядъ на свертки, но тотчасъ же отвернулась къ печкѣ.

— Никакихъ мнѣ твоихъ гостинцевъ не нужно, — проворчала она, ожесточенно разгребая кочергой уголья. — Знаемъ мы тоже гостей этихъ. Сперва безъ мыла въ душу лѣзутъ, а потомъ... Что̀ у тебя въ кулечкѣ-то? — вдругъ обернулась она ко мнѣ.

Я тотчасъ же вручилъ ей чай и сахаръ. Это подѣйствовало на старуху смягчающимъ образомъ, и хотя она и продолжала ворчать, но уже не въ прежнемъ, непримиримомъ тонѣ.

Олеся сѣла опять за пряжу, а я помѣстился около нея, на низкой, короткой и очень шаткой скамеечкѣ. Лѣвой рукой Олеся быстро сучила бѣлую, мягкую, какъ шелкъ, кудель, а въ правой у нея съ легкимъ жужжаніемъ крутилось веретено, которое она то пускала падать почти до земли, то ловко подхватывала



Пинкисевичъ П.Н.

его и короткимъ движеніемъ пальцевъ опять заставляла вертѣться. Эта работа, такая простая на первый взглядъ, но, въ сущности, требующая огромнаго, многовѣкового навыка и ловкости, такъ и кипѣла въ ея рукахъ. Невольно я обратилъ вниманіе на эти руки: онѣ загрубѣли и почернѣли отъ работы, но были невелики и такой красивой формы, что имъ позавидовали бы многія благовоспитанныя дѣвицы.

— А вотъ вы мнѣ тогда и не сказали, что вамъ бабка гадала, — произнесла Олеся. И, видя, что я опасливо обернулся назадъ, она прибавила: — Ничего, ничего, она немного на ухо туга, не услышитъ. Она только мой голосъ хорошо разбираетъ.

— Да, гадала. А что̀?

— Да такъ себѣ... Просто спрашиваю... А вы вѣрите? — кинула она на меня украдкой быстрый взглядъ.

— Чему? Тому, что̀ твоя бабка мнѣ гадала, или вообще?

— Нѣтъ, вообще..

— Какъ сказать, вѣрнѣе будетъ, что не вѣрю, а все-таки почемъ знать? Говорятъ, бываютъ случаи... Даже въ умныхъ книгахъ объ нихъ напечатано. А вотъ тому, что̀ твоя бабка говорила, такъ совсѣмъ не вѣрю. Такъ и любая баба деревенская сумѣетъ поворожить.

Олеся улыбнулась.

— Да, это правда, что она теперь плохо гадаетъ. Стара стала, да и боится она очень. А что̀ вамъ карты сказали?

— Ничего интереснаго не было. Я теперь и не помню. Что̀ обыкновенно говорятъ: дальняя дорога, трефовый интересъ... Я и позабылъ даже.

— Да, да, плохая она стала ворожка. Слова многія позабыла отъ старости... Куда жъ ей? Да и опасается она. Развѣ только деньги увидитъ, такъ

согласится.

— Чего же она боится?

— Извѣстно чего, — начальства боится... Урядникъ пріѣдетъ, такъ завсегда грозитъ: «Я, говоритъ, тебя во всякое время могу упрятать. Ты знаешь, говоритъ, что̀ вашему брату за чародѣйство полагается? Ссылка въ каторжную работу, безъ сроку, на Соколиный островъ». Какъ вы думаете, вретъ онъ это или нѣтъ?

— Нѣтъ, врать онъ не вретъ; дѣйствительно за это что-то полагается, но уже не такъ страшно... Ну, а ты, Олеся, умѣешь гадать?

Она какъ будто бы немного замялась, но всего лишь на мгновеніе.

— Гадаю... Только не за деньги, — добавила она поспѣшно.

— Можетъ-быть, ты и мнѣ кинешь карты?

— Нѣтъ, — тихо, но рѣшительно отвѣтила она, покачавъ головой.

— Почему же ты не хочешь? Ну, не теперь, такъ когда-нибудь послѣ... Мнѣ почему-то кажется, что ты мнѣ правду скажешь.

— Нѣтъ. Не стану. Ни за что не стану.

— Ну, ужъ это нехорошо, Олеся. Ради перваго знакомства нельзя отказывать... Почему ты несогласна?

— Потому что я на васъ уже бросала карты, въ другой разъ нельзя...

— Нельзя? Отчего же? Я этого не понимаю.

— Нѣтъ, нѣтъ, нельзя... нельзя... — зашептала она съ суевѣрнымъ страхомъ. — Судьбу нельзя два раза пытать... Не годится... Она узна̀етъ, подслушаетъ... Судьба не любитъ, когда ее спрашиваютъ. Оттого всѣ ворожки несчастныя.

Я хотѣлъ отвѣтить Олесѣ какой-нибудь шуткой и не могъ: слишкомъ много искренняго убѣжденія было

въ ея словахъ, такъ что даже, когда она, упомянувъ про судьбу, со странной боязнью оглянулась на дверь, я невольно повторилъ это движеніе.

— Ну, если не хочешь мнѣ погадать, такъ разскажи, что̀ у тебя тогда вышло? — попросилъ я.

Олеся вдругъ бросила прялку и притронулась рукой къ моей рукѣ.

— Нѣтъ... Лучше не надо, — сказала она, и ея глаза приняли умоляюще-дѣтское выраженіе. — Пожалуйста, не просите... Нехорошо вамъ вышло... Не просите лучше...

Но я продолжалъ настаивать. Я не могъ разобрать: былъ ли ея отказъ и темные намеки на судьбу наигранным пріемомъ гадалки, или она дѣйствительно сама вѣрила въ то, о чемъ говорила, но мнѣ стало какъ-то не по себѣ, почти жутко.

— Ну хорошо, я, пожалуй, скажу, — согласилась наконецъ Олеся. — Только смотрите, уговоръ лучше денегъ: не сердиться, если вамъ что̀ не понравится. Вышло вамъ вотъ что̀: человѣкъ вы хотя и добрый, но только слабый... Доброта ваша не хорошая, не сердечная. Слову вы своему не господинъ. Надъ людьми любите верхъ брать, а сами имъ хотя и не хотите, но подчиняетесь. Вино любите, а также... Ну да все равно, говорить, такъ ужъ все по порядку... До нашей сестры больно охочи, и черезъ это вамъ много въ жизни будетъ зла... Деньгами вы не дорожите и копить ихъ не умѣете — богатымъ никогда по будете... Говорить дальше?

— Говори, говори! Все, что̀ знаешь, говори!

— Дальше вышло, что жизнь ваша будетъ невеселая. Никого вы сердцемъ не полюбите, потому что сердце у васъ холодное, лѣнивое, а тѣмъ, которыя васъ будутъ любить, вы много горя принесете. Никогда вы не женитесь, такъ холостымъ и умрете. Радостей вамъ въ

Пинкисевичъ П.Н. Олеся и Иванъ Тимоѳеевичъ

жизни большихъ не будеть, но будетъ много скуки и тяготы... Настанетъ такое время, что руки сами на себя наложить захотите... Такое у васъ дѣло одно выйдетъ... Но только не посмѣете, такъ снесете... Сильную нужду будете терпеть, однако подъ конецъ жизни судьба ваша перемѣнится черезъ смерть какого-то близкаго вамъ человѣка и совсѣмъ для васъ неожиданно. Только все это будетъ еще черезъ много лѣтъ, а вотъ въ этомъ году... Я не знаю, ужъ когда именно — карты говорятъ, что очень скоро... Можетъ-быть, даже и въ этомъ мѣсяцѣ...

— Что̀ же случится въ этомъ году? — спросилъ я, когда она опять остановилась.

— Да ужъ боюсь даже говорить дальше. Падаетъ вамъ большая любовь со стороны какой-то трефовой дамы. Вотъ только не могу догадаться, замужняя она или дѣвушка, а знаю, что съ темными волосами...

Я невольно бросилъ быстрый взглядъ на голову Олеси.

— Что̀ вы смотрите? — покраснѣла вдругъ она, почувствовавъ мой взглядъ съ пониманіемъ, свойственнымъ нѣкоторымъ женщинамъ. — Ну да, въ родѣ моихъ, — продолжала она, машинально поправляя волосы и еще больше краснѣя.

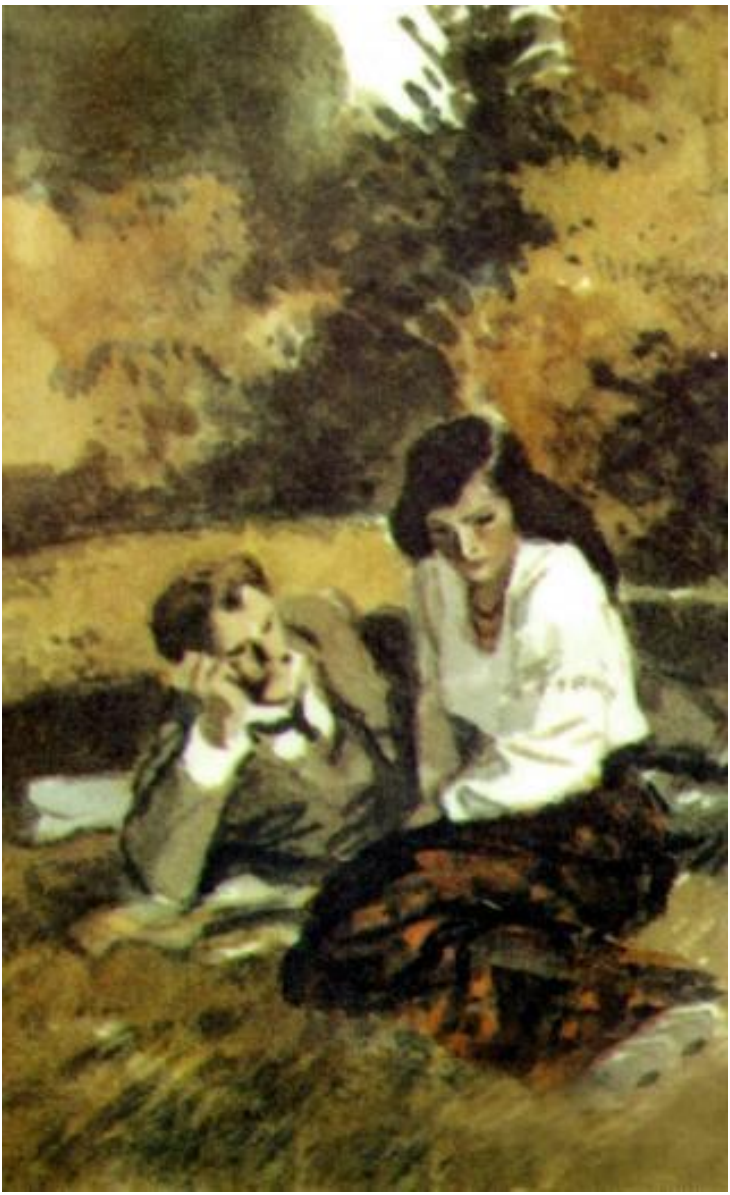
— Такъ ты говоришь — большая трефовая любовь? — пошутилъ я.

— Не смѣйтесь, не надо смѣяться, — серьезно, почти строго замѣтила Олеся. — Я вамъ все только правду говорю.

— Ну хорошо, не буду, не буду. Что̀ же дальше?

— Дальше... Охъ! Нехорошо выходитъ этой трефовой дамѣ, хуже смерти. Позоръ она черезъ васъ большой приметъ, такой, что во всю жизнь забыть нельзя, печаль долгая ей выходитъ... А вамъ въ ея планетѣ ничего дурного не выходитъ.

— Послушай, Олеся, а не могли ли тебя карты



Пинкисевичъ П.Н.

обмануть? Зачѣмъ же я буду трефовой дамѣ столько непріятностей дѣлать? Человѣкь я тихій, скромный, а ты столько страховъ про меня наговорила.

— Ну, ужъ этого я не знаю. Да и вышло-то такъ, что не вы это сдѣлаете, — не нарочно, значитъ, а только черезъ васъ вся эта бѣда стрясется... Вотъ когда мои слова сбудутся, вы меня тогда вспомните.

— И все это тебѣ карты сказали, Олеся?

Она отвѣтила не сразу, уклончиво и какъ будто бы неохотно:

— И карты... Да я и безъ нихъ узнаю много, вотъ хоть бы по лицу. Если, напримѣръ, который человѣкъ долженъ скоро нехорошей смертью умереть, я это сейчасъ у него на лицѣ прочитаю, даже говорить мнѣ съ нимъ не нужно.

— Что̀ же ты видишь у него въ лицѣ?

— Да я и сама не знаю. Страшно мнѣ вдругъ сдѣлается, точно онъ не живой передо мной стоитъ. Вотъ хоть у бабушки спросите, она вамъ скажетъ, что я правду говорю. Трофимъ, мельникъ, въ позапрошломъ году у себя на млинѣ удавился, а я его только за два дня передъ тѣмъ видѣла и тогда же сказала бабушкѣ: «Вотъ посмотри, бабуся, что Трофимъ на-дняхъ дурной смертью умретъ». Такъ оно и вышло. А на прошлыя святки зашелъ къ намъ конокрадъ-Яшка, просилъ бабушку погадать. Бабушка разложила на него карты, стала ворожить. А онъ, шутя, спрашиваетъ: «Ты мнѣ скажи, бабка, какой я смертью умру?» А самъ смѣется. Я какъ поглялѣла на него, такъ и пошевельнуться не могу: вижу, сидитъ Яковъ, а лицо у него мертвое, зеленое... Глаза закрыты, а губы черныя... Потомъ, черезъ недѣлю, слышимъ, что поймали мужики Якова, когда онъ лошадей хотѣлъ свести... Всю ночь его били... Злой у насъ народъ здѣсь, безжалостный... Въ пятки гвозди ему заколотили, перебили кольями всѣ ребра, а къ утру изъ

него и духъ вонъ.

— Отчего же ты ему не сказала, что его бѣда ждетъ?

— А зачѣмъ говорить? — возразила Олеся. — Что̀ у судьбы положено, развѣ отъ этого убѣжишь? Только бы понапрасну человѣкъ свои послѣдніе дни тревожился... Да мнѣ и самой гадко, что я такъ вижу, сама себѣ я противна дѣлаюсь... Только что̀ жъ? Это вѣдь у меня отъ судьбы. Бабка моя, когда помоложе была, тоже смерть узнавала, и моя мать тоже, и бабкина мать — это не отъ насъ... это въ нашей крови такъ.

Она перестала прясть и сидѣла, низко опустивъ голову, тихо положивъ руки вдоль колѣнъ. Въ ея неподвижно остановившихся глазахъ съ расширившимися зрачками отразился какой-то темный ужасъ, какая-то невольная покорность таинственнымъ силамъ и сверхъестественными знаніямъ, осѣнявшимъ ея душу.

V.

Въ это время старуха разостлала на столѣ чистое полотенце съ вышитыми концами и поставила на него дымящійся горшокъ.

— Иди ужинать, Олеся, — позвала она внучку и послѣ минутнаго колебанія прибавила, обращаясь ко мнѣ: — можетъ-быть, и вы, господинъ, съ нами откушаете? Милости просимъ... Только неважныя у насъ кушанья-то, суповъ не варимъ, а просто крупничокъ полевой...

Нельзя сказать, чтобы ея приглашеніе отзывалось особенной настойчивостью, и я уже было-хотѣлъ отказаться отъ него, но Олеся, въ свою очередь, попросила меня съ такой милой простотой и съ такой ласковой улыбкой, что я поневолѣ согласился. Она сама

налила мнѣ полную тарелку крупника — похлебки изъ гречневой крупы съ саломъ, лукомъ, картофелемъ и курицей — чрезвычайно вкуснаго и питательнаго кушанья. Садясь за столъ, ни бабушка ни внучка не перекрестились. За ужиномъ я не переставалъ наблюдать за обѣими женщинами, потому что, по моему глубокому убѣжденію, которое я и до сихъ поръ сохраняю, нигдѣ человѣкъ не высказывается такъ ясно, какъ во время ѣды. Старуха глотала крупникъ съ торопливой жадностью, громко чавкая и запихивая въ ротъ огромные куски хлѣба, такъ что подъ ея дряблыми щеками вздувались и двигались большія гули. У Олеси даже въ манерѣ ѣсть была какая-то врожденная порядочность.

Спустя часъ послѣ ужина я простился съ хозяйками избушки на курьихъ ножкахъ.

— Хотите, я васъ провожу немножко? — предложила Олеся.

— Какіе-такіе проводы еще выдумала! — сердито прошамкала старуха. — Не сидится тебѣ на мѣстѣ, стрекоза...

Но Олеся уже накинула на голову красный кашемировый платокъ и вдругъ, подбѣжавъ къ бабушкѣ, обняла ее и звонко поцѣловала.

— Бабушка! Милая, дорогая, золотая... я только на минуточку, сейчасъ и назадъ.

— Ну ладно, ужъ ладно, верченая, — слабо отбивалась отъ нея старуха. — Вы, господинъ, не обезсудьте: совсѣмъ дурочка она у меня.

Пройдя узкую тропинку, мы вышли на лѣсную дорогу, черную отъ грязи, всю истоптанную слѣдами копытъ и изоборожденную колеями, полными воды, въ которой отражался пожаръ вечерней зари. Мы шли обочиной дороги, сплошь покрытой бурыми прошлогодними листьями, еще не высохшими послѣ

снѣга. Кое-гдѣ сквозь ихъ мертвую желтизну подымали свои лиловыя головки крупные колокольчики «сна» — перваго цвѣтка Полѣсья.

— Послушай, Олеся, — началъ я: — мнѣ очень хочется спросить тебя кое о чемъ, да я боюсь, что ты разсердишься... Скажи мнѣ, правду ли говорятъ, что твоя бабка... какъ бы это выразиться?..

— Колдунья? — спокойно помогла мнѣ Олеся.

— Нѣтъ... Не колдунья... — замялся я. — Ну да, если хочешь — колдунья... Конечно, вѣдь мало ли что̀ болтаютъ. Почему ей просто-напросто не знать какихъ-нибудь травъ, средствъ, заговоровъ?.. Впрочемъ, если тебѣ это непріятно, ты можешь не отвѣчать.

— Нѣтъ, отчего же, — отозвалась она просто: — что̀ жъ тутъ непріятнаго? Да она, правда, колдунья. Но только теперь она стала стара и ужъ не можетъ дѣлать того, что̀ дѣлала раньше.

— Что̀ же она умѣла дѣлать? — полюбопытствовалъ я.

— Разное. Лѣчить умѣла, отъ зубовъ пользовала, руду заговаривала, отчитывала, если кого бѣшеная собака укуситъ или змѣя, клады указывала... да всего и не перечислишь.

— Знаешь что̀, Олеся?.. Ты меня извини, а я вѣдь этому всему не вѣрю. Ну, будь со мною откровенна, я тебя никому не выдамъ: вѣдь все это — одно притворство, чтобы только людей морочить?

Она равнодушно пожала плечами.

— Думайте, какъ хотите. Конечно, бабу деревенскую обморочить ничего не сто̀итъ, но васъ бы я не стала обманывать.

— Значитъ, ты твердо вѣришь колдовству?

— Да какъ же мнѣ не вѣрить? Вѣдь у насъ въ роду чары... Я и сама многое умѣю.

— Олеся, голубушка... Если бы ты знала, какъ

мнѣ это интересно... Неужели ты мнѣ ничего не покажешь?

— Отчего же, покажу, если хотите, — съ готовностью согласилась Олеся. — Сейчасъ желаете?

— Да, если можно, сейчасъ.

— А бояться не будете?

— Ну вотъ глупости. Ночью, можетъ-быть, боялся бы, а теперь еще свѣтло.

— Хорошо. Дайте мнѣ руку.

Я повиновался. Олеся быстро засучила рукавъ моего пальто и разстегнула запонку у манжетки, потомъ она достала изъ своего кармана небольшой, вершка въ три, финскій ножикъ и вынула его изъ кожанаго чехла.

— Что̀ ты хочешь дѣлать? — спросилъ я, чувствуя, какъ во мнѣ шевельнулось подленькое опасеніе.

— А вотъ сейчасъ... Вѣдь вы же сказали, что не будете бояться!

Вдругъ рука ея сдѣлала едва замѣтное легкое движеніе, и я ощутилъ въ мякоти руки, немного выше того мѣста, гдѣ щупаютъ пульсъ, раздражающее прикосновеніе остраго лезвея. Кровь тотчасъ же выступила во всю ширину порѣза, полилась по рукѣ и частыми каплями закапала на землю. Я едва удержался отъ того, чтобы не крикнуть, но, кажется, поблѣднѣлъ.

— Не бойтесь, живы останетесь, — усмѣхнулась Олеся.

Она крѣпко обхватила рукой мою руку повыше раны и, низко склонившись къ ней лицомъ, стала быстро шептать что-то, обдавая мою кожу горячимъ прерывистымъ дыханіемъ. Когда же Олеся выпрямилась и разжала свои пальцы, то на пораненномъ мѣстѣ осталась только красная царапина.

— Ну что̀? Довольно съ васъ? — съ лукавой улыбкой спросила она, пряча свой ножикъ. — Хотите

еще?

— Конечно, хочу. Только, если бы можно было, не такъ ужъ страшно и безъ кровопролитія, пожалуйста.

— Что̀ бы вамъ такое показать? — задумалась она. — Ну хоть развѣ это вотъ: идите впереди меня по дорогѣ... Только, смотрите, не оборачивайтесь назадъ.

— А это не будетъ страшно? — спросилъ я, стараясь безпечной улыбкой прикрыть боязливое ожиданіе непріятнаго сюрприза.

— Нѣтъ, нѣтъ... Пустяки... Идите.

Я пошелъ впередъ, очень заинтересованный опытомъ, чувствуя за своей спиной напряженный взглядъ Олеси. Но, пройдя около двадцати шаговъ, я вдругъ споткнулся на совсѣмъ ровномъ мѣстѣ и упалъ ничкомъ.

— Идите, идите! — закричала Олеся. — Не оборачивайтесь! Это ничего, до свадьбы заживетъ... Держитесь крѣпче за землю, когда будете падать.

Я пошелъ дальше. Еще десять шаговъ, и я вторично растянулся во весь ростъ.

Олеся громко захохотала и захлопала въ ладоши.

— Ну что̀? Довольны? — крикнула она, сверкая своими бѣлыми зубами. — Вѣрите теперь? Ничего, ничего!.. Полетѣли не вверхъ, а внизъ.

— Какъ ты это сдѣлала? — съ удивленіемъ спросилъ я, отряхиваясь отъ приставшихъ къ моей одеждѣ вѣточекъ и сухихъ травинокъ. — Это не секретъ?

— Вовсе не секретъ. Я вамъ съ удовольствіемъ разскажу. Только боюсь, что, пожалуй, вы не поймете... Не сумѣю я объяснить...

Я дѣйствительно не совсѣмъ понялъ ее. Но, если не ошибаюсь, этотъ своеобразный фокусъ состоитъ въ томъ, что она, идя за мною слѣдомъ шагъ за шагомъ, нога въ ногу и, неотступно глядя на меня, въ то же

время старается подражать каждому, самому малейшему моему движенію, такъ сказать, отожествляетъ себя со мною. Пройдя такимъ образомъ нѣсколько шаговъ, она начинаетъ мысленно воображать, на нѣкоторомъ разстояніи впереди меня, веревку, протянутую поперекъ дороги на аршинъ отъ земли. Въ ту минуту, когда я долженъ прикоснуться ногой къ этой воображаемой веревкѣ, Олеся вдругъ дѣлаетъ падающее движеніе, и тогда, по ея словамъ, самый крѣпкій человѣкъ долженъ непременно упасть... Только много времени спустя я вспомнилъ сбивчивое объясненіе Олеси, когда читалъ отчетъ д-ра Шарко объ опытахъ, произведенныхъ имъ надъ двумя паціентками Сальпетріера, профессіональными колдуньями, страдавшими истеріей. И я былъ очень удивленъ, узнавъ, что французскія колдуньи изъ простонародья прибѣгали въ подобныхъ случаяхъ совершенно къ той же сноровкѣ, какую пускала въ ходъ хорошенькая полѣсская вѣдьма.

— О! Я еще много чего умѣю, — самоувѣренно заявила Олеся. — Напримеръ, я могу нагнать на васъ страхъ.

— Что̀ это значитъ?

— Сдѣлаю такъ, что вамъ страшно станетъ. Сидите вы, напримѣръ, у себя въ комнатѣ вечеромъ, и вдругъ на васъ найдетъ ни съ того ни съ сего такой страхъ, что вы задрожите и оглянуться назадъ не посмѣете. Только для этого мнѣ нужно знать, гдѣ вы живете, и раньше видѣть вашу комнату.

— Ну, ужъ это совсѣмъ просто, — усомнился я. — Подойдешь къ окну, постучишь, крикнешь что-нибудь.

— О, нѣтъ, нѣтъ... Я буду въ лѣсу въ это время, никуда изъ хаты не выйду... Но я буду сидѣть и все думать, что вотъ я иду по улицѣ, вхожу въ вашъ домъ, отворяю двери, вхожу въ вашу комнату... Вы сидите где-

нибудь... ну, хоть у стола... я подкрадываюсь къ вамъ сзади тихонько... вы меня не слышите... я хватаю васъ за плечо руками и начинаю давить... все крѣпче, крѣпче, крѣпче... а сама гляжу на васъ... вотъ такъ — смотрите...

Ея тонкія брови вдругъ сдвинулись, глаза въ упоръ остановились на мнѣ съ грознымъ и притягивающимъ выраженіемъ, зрачки увеличились и посинѣли. Мнѣ тотчасъ же вспомнилась видѣнная мною въ Москвѣ, въ Третьяковской галлереѣ, голова Медузы, — работа ужъ не помню какого художника. Подъ этимъ пристальнымъ, страннымъ взглядомъ меня охватилъ холодный ужасъ сверхъестественнаго.

— Ну полно, полно, Олеся... будетъ, — сказалъ я съ дѣланнымъ смѣхомъ. — Мнѣ гораздо больше нравится, когда ты улыбаешься — тогда у тебя такое милое, дѣтское лицо.

Мы пошли дальше. Мнѣ вдругъ вспомнилась выразительность и даже для простой дѣвушки изысканность фразъ въ разговорѣ Олеси, и я сказалъ:

— Знаешь, что̀ меня удивляетъ въ тебе, Олеся? Вотъ ты выросла въ лѣсу, никого не видавши... Читать ты, конечно, тоже много не могла...

— Да я вовсе не умѣю и читать-то.

— Ну, тѣмъ болѣе... А между тѣмъ ты такъ хорошо говоришь, не хуже настоящей барышни. Скажи мнѣ, откуда у тебя это? Понимаешь, о чемъ я спрашиваю?

— Да, понимаю. Это все отъ бабушки... Вы не глядите, что она такая съ виду. У! Какая она умная! Вотъ, можетъ-быть, она и при васъ разговорится, когда побольше привыкнетъ... Она все знаетъ, ну просто все на свѣтѣ, про что ни спросишь. Правда, постарѣла она теперь.

— Значитъ, она много видѣла на своемъ вѣку? Откуда она родомъ? Гдѣ она раньше жила?

Кажется, эти вопросы не понравились Олесѣ. Она отвѣтила не сразу, уклончиво и неохотно:

— Не знаю... Да она объ этомъ и не любитъ говорить. Если же когда и скажетъ что̀, то всегда проситъ забыть и не вспоминать больше... Ну, однако мнѣ пора, — заторопилась Олеся: — бабушка будетъ сердиться. До свиданья... Простите, имени вашего не знаю.

Я назвался.

— Иванъ Тимоѳеевичъ? Ну, вотъ и отлично. Такъ до свиданья, Иванъ Тимоѳеевичъ! Не брезгуйте нашей хатой, заходите.

На прощанье я протянулъ ей руку, и ея маленькая, крѣпкая рука отвѣтила мнѣ сильнымъ, дружескимъ пожатіемъ.

VI.

Съ этого дня я сталъ частымъ гостемъ въ избушкѣ на курьихъ ножкахъ. Каждый разъ, когда я приходилъ, Олеся встрѣчала меня съ своимъ привычнымъ сдержаннымъ достоинствомъ. Но всегда, по первому невольному движенію, которое она дѣлала, увидѣвъ меня, я замѣчалъ, что она радуется моему приходу. Старуха по-прежнему не переставала бурчать что-то себѣ подъ носъ, но явнаго недоброжелательства не выражала, благодаря невидимому для меня, но несомнѣнному заступничеству внучки; также немалое вліяніе въ благотворномъ для меня смыслѣ оказывали приносимые мною кое-когда подарки: то теплый платокъ, то банка варенья, то бутылка вишневой наливки. У насъ съ Олесей, точно по безмолвному обоюдному уговору, вошло въ обыкновеніе, что она меня провожала до Ириновскаго шляха, когда я уходилъ домой. И всегда у насъ въ это время завязывался такой живой, интересный

разговоръ, что мы оба старались поневолѣ продлить дорогу, идя какъ можно тише безмолвными лѣсными опушками. Дойдя до Ириновскаго шляха, я ее провожалъ обратно съ полверсты, и все-таки, прежде чѣмъ проститься, мы еще долго разговаривали, стоя подъ пахучимъ навѣсомъ сосновыхъ вѣтвей.

Не одна красота Олеси меня въ ней очаровывала, но также и ея цѣльная, самобытная, свободная натура, ея умъ, одновременно ясный и окутанный непоколебимымъ наслѣдственнымъ суевѣріемъ, дѣтски-невинный, но и не лишенный лукаваго кокетства красивой женщины. Она не уставала меня разспрашивать подробно обо всемъ, что̀ занимало и волновало ея первобытное, яркое воображеніе: о странахъ и народахъ, объ явленіяхъ природы, объ устройствѣ земли и вселенной, объ ученыхъ людяхъ, о большихъ городахъ... Многое ей казалось удивительнымъ, сказочнымъ, неправдоподобнымъ Но я съ самаго начала нашего знакомства взялъ съ нею такой серьезный, искренній и простой тонъ, что она охотно принимала на безконтрольную вѣру всѣ мои разсказы. Иногда, затрудняясь объяснить ей что-нибудь, слишкомъ, по моему мнѣнію, непонятное для ея полудикарской головы (а иной разъ и самому мнѣ не совсѣмъ ясное), я возражалъ на ея жадные вопросы: «Видишь ли... Я не сумѣю тебѣ этого разсказать... Ты не поймешь меня».

Тогда она принималась меня умолять:

— Нѣтъ, пожалуйста, пожалуйста, я постараюсь... Вы хоть какъ-нибудь скажите... хоть и непонятно...

Она принуждала меня пускаться въ чудовищныя сравненія, въ самые дерзкіе примѣры, и если я затруднялся подыскать выраженіе, она сама помогала мнѣ цѣлымъ дождемъ нетерпѣливыхъ вопросовъ, въ родѣ

тѣхъ, которые мы предлагаемъ заикѣ, мучительно застрявшему на одномъ словѣ. И дѣйствительно, въ концѣ концовъ ея гибкій, подвижной умъ и свѣжее воображеніе торжествовали надъ моимъ педагогическимъ безсиліемъ. Я поневолѣ убѣждался, что для своей среды, для своего воспитанія (или, вѣрнѣе сказать, отсутствія его) она обладала изумительными способностями.

Однажды я вскользь упомянулъ что-то про Петербургъ. Олеся тотчасъ же заинтересовалась:

— Что̀ такое Петербургъ? Мѣстечко?

— Нѣтъ, это не мѣстечко; это самый большой русскій городъ.

— Самый большой? Самый, самый, что̀ ни на есть? И больше его нѣту? — наивно пристала она ко мнѣ.

— Ну да... Тамъ все главное начальство живетъ... господа большіе... Дома тамъ все каменные, деревянныхъ нѣтъ.

— Ужъ, конечно, гораздо больше нашей Степани? — увѣренно спросила Олеся.

— О, да... немножко побольше... такъ, разъ въ пятьсотъ. Тамъ такіе есть дома, въ которыхъ въ каждомъ народу живетъ вдвое больше, чѣмъ во всей Степани.

— Ахъ, Боже мой! Какіе же это дома? — почти въ испугѣ спросила Олеся.

Мнѣ пришлось, по обыкновенію, прибѣгнуть къ сравненію.

— Ужасные дома. Въ пять, въ шесть, а то и въ семь этажей. Видишь вотъ ту сосну?

— Самую большую? Вижу.

— Такъ вотъ такіе высокіе дома. И съ верху до низу набиты людьми. Живутъ эти люди въ маленькихъ конуркахъ, точно птицы въ клѣткахъ, человѣкъ по

десяти въ каждой, такъ что всѣмъ и воздуху-то не хватаетъ. А другіе внизу живутъ, подъ самой землей, въ сырости и холодѣ; случается, что солнца у себя въ комнатѣ круглый годъ не видятъ.

— Ну, ужъ я бъ ни за что не промѣняла своего лѣса на вашъ городъ, — сказала Олеся, покачавъ головой. — Я и въ Степань-то приду на базаръ, такъ мнѣ противно сдѣлается. Толкаются, шумятъ, бранятся... И такая меня тоска возьметъ за лѣсомъ, — такъ бы бросила все и безъ оглядки побѣжала... Богъ съ нимъ, съ городомъ вашимъ, не стала бы я тамъ жить никогда.

— Ну, а если твой мужъ будетъ изъ города? — спросилъ я съ легкой улыбкой.

Ея брови нахмурились, и тонкія ноздри дрогнули.

— Вотъ еще! — сказала она съ пренебреженіемъ. — Никакого мнѣ мужа не надо.

— Это ты теперь только такъ говоришь, Олеся. Почти всѣ дѣвушки то же самое говорятъ и все же замужъ выходятъ. Подожди немного: встрѣтишься съ кѣмъ-нибудь, — полюбишь — тогда не только въ городъ, а на край свѣта съ нимъ пойдешь.

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ... пожалуйста, не будемъ объ этомъ, — досадливо отмахивалась она. — Ну къ чему этотъ разговоръ?.. Прошу васъ, не надо.

— Какая ты смѣшная, Олеся. Неужели ты думаешь, что никогда въ жизни не полюбишь мужчину? Ты — такая молодая, красивая, сильная. Если въ тебѣ кровь загорится, то ужъ тутъ не до зароковъ будетъ.

— Ну что̀ жъ — и полюблю? — сверкнувъ глазами, съ вызовомъ отвѣтила Олеся. — Спрашиваться ни у кого не буду...

— Стало-быть, и замужъ пойдешь, — поддразнилъ я.

— Это вы, можетъ-быть, про церковь говорите? — догадалась она.

— Конечно, про церковь... Священникъ вокругъ аналоя будетъ водить, дьяконъ запоетъ «Исаія ликуй», на голову тебѣ надѣнутъ вѣнецъ...

Олеся опустила вѣки и со слабой улыбкой отрицательно покачала головой.

— Нѣтъ, голубчикъ... Можетъ-быть, вамъ и не понравится, что̀ я скажу, а только у насъ въ роду никто не вѣнчался: и мать и бабка безъ этого прожили... Намъ въ церковь и заходить-то нельзя...

— Все изъ-за колдовства вашего?

— Да, изъ-за нашего колдовства, — со спокойной серьезностью отвѣтила Олеся. — Какъ же я посмѣю въ церковь показаться, если уже отъ самаго рожденія моя душа продана ему.

— Олеся... Милая... Повѣрь мнѣ, что ты сама себя обманываешь... Вѣдь это дико, это смѣшно, что̀ ты говоришь.

На лицѣ Олеси опять показалось уже замѣченное мною однажды странное выраженіе убѣжденной и мрачной покорности своему таинственному предназначенію.

— Нѣтъ, нѣтъ... Вы этого не можете понять, а я это чувствую... Вотъ здѣсь, — она крѣпко притиснула руку къ груди: — въ душѣ чувствую. Весь нашъ родъ проклятъ во вѣки вѣковъ. Да вы посудите сами: кто же намъ помогаетъ, какъ не онъ? Развѣ можетъ простой человѣкъ сдѣлать то, что̀ я могу? Вся наша сила отъ него идетъ.

И каждый разъ нашъ разговоръ, едва коснувшись этой необычайной темы, кончался подобнымъ образомъ. Напрасно я истощалъ всѣ доступные пониманію Олеси доводы, напрасно говорилъ въ простой формѣ о гипнотизмѣ, о внушеніи, о

докторахъ-психіатрахъ и объ индійскихъ факирахъ, напрасно старался объяснить ей физіологическимъ путемъ нѣкоторые изъ ея опытовъ, хотя бы, на примѣръ, заговариваніе крови, которое такъ просто достигается искуснымъ нажатіемъ на вену, — Олеся, такая довѣрчивая ко мнѣ во всемъ остальномъ, съ упрямой настойчивостью опровергала мнѣ мои доказательства и объясненія... «Ну хорошо, хорошо, про заговоръ крови я вамъ, такъ и быть, подарю, — говорила она, возвышая голосъ въ увлеченіи спора: — а откуда же другое берется? Развѣ я одно только и знаю, что кровь заговаривать? Хотите, я вамъ въ одинъ день всѣхъ мышей и таракановъ выведу изъ хаты? Хотите, я въ два дня вылѣчу простой водой самую сильную огневицу, хоть бы всѣ ваши доктора отъ больного отказались? Хотите, я сдѣлаю такъ, что вы какое-нибудь одно слово совсѣмъ позабудете? А сны почему я разгадываю? А будущее почему узнаю?»

Кончался этотъ споръ всегда тѣмъ, что и я и Олеся умолкали не безъ внутренняго раздраженія другъ противъ друга. Дѣйствительно, для многаго изъ ея чернаго искусства я не умѣлъ найти объясненія въ своей небольшой наукѣ. Я не знаю и не могу сказать, обладала ли Олеся и половиной тѣхъ секретовъ, о которыхъ говорила съ такой наивной вѣрой, но то, чему я самъ бывалъ нерѣдко свидѣтелемъ, вселило въ меня непоколебимое убѣжденіе, что Олесѣ были доступны тѣ безсознательныя, инстинктивныя, туманныя, добытыя случайнымъ опытомъ, странныя знанія, которыя, опередивъ точную науку на цѣлыя столѣтія, живутъ, перемѣшавшись со смѣшными и дикими повѣрьями, въ темной, замкнутой народной массѣ, передаваясь, какъ величайшая тайна, изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Несмотря на рѣзкое разногласіе, въ этомъ единственномъ пунктѣ, мы все сильнѣе и крѣпче

привязывались другъ къ другу. О любви между нами не было сказано еще ни слова, но быть вмѣстѣ для насъ уже сдѣлалось потребностью, и часто въ молчаливыя минуты, когда наши взгляды нечаянно и одновременно встрѣчались, я видѣлъ, какъ увлажнялись глаза Олеси, и какъ билась тоненькая голубая жилка у нея на вискѣ...

Зато мои отношенія съ Ярмолой совсѣмъ испортились. Для него, очевидно, не были тайной мои посѣщенія избушки на курьихъ ножкахъ и вечернія прогулки съ Олесей: онъ всегда съ удивительной точностью зналъ все, что происходитъ въ его лѣсу. Съ нѣкотораго времени я замѣтилъ, что онъ начинаетъ избѣгать меня. Его черные глаза слѣдили за мною издали съ упрекомъ и неудовольствіемъ каждый разъ, когда я собирался итти въ лѣсъ, хотя порицанія своего онъ не высказывалъ ни однимъ словомъ. Наши комически-серьезныя занятія грамотой прекратились. Если же я иногда вечеромъ звалъ Ярмолу учиться, онъ только махалъ рукой.

— Куда тамъ! Пустое это дѣло, панычъ, — говорилъ онъ съ лѣнивымъ презрѣніемъ.

На охоту мы тоже перестали ходить. Всякій разъ, когда я подымалъ объ этомъ разговоръ, у Ярмолы находился какой-нибудь предлогъ для отказа: то ружье у него неисправно, то собака больна, то ему самому некогда: «Нема часу, панычъ... нужно пашню сегодня орать», — чаще всего отвѣчалъ Ярмола на мое приглашеніе, и я отлично зналъ, что онъ вовсе не будетъ «орать пашню», а проведетъ цѣлый день около монополіи въ сомнительной надеждѣ на чье-нибудь угощеніе. Эта безмолвная, затаенная вражда начинала меня утомлять, и я уже подумывалъ о томъ, чтобы отказаться отъ услугъ Ярмолы, воспользовавшись для этого первымъ подходящимъ предлогомъ... Меня останавливало только чувство жалости къ его огромной нищей семьѣ, которой

четыре рубля Ярмолова жалованья помогали не умереть съ голода.

VII.

Однажды, когда я, по обыкновенію, пришелъ передъ вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ, мнѣ сразу бросилось въ глаза удрученное настроеніе духа ея обитательницъ. Старуха сидѣла съ ногами на постели и, сгорбившись, обхвативъ голову руками, качалась взадъ и впередъ и что-то невнятно бормотала. На мое привѣтствіе она не обратила никакого вниманія. Олеся поздоровалась со мной, какъ и всегда, ласково, но разговоръ у насъ не вязался. Повидимому, она слушала меня разсѣянно и отвѣчала невпопадъ. На ея красивомъ лицѣ лежала тѣнь какой-то безпрестанной внутренней заботы.

— Я вижу, у васъ случилось что-то нехорошее, Олеся, — сказалъ я, осторожно прикасаясь рукой къ ея рукѣ, лежавшей на скамейкѣ.

Олеся быстро отвернулась къ окну, точно разглядывая тамъ что̀. Она старалась казаться спокойной, но ея брови сдвинулись и задрожали, а зубы крѣпко прикусили нижнюю губу.

— Нѣтъ... что̀ же у насъ могло случиться особеннаго? — произнесла она глухимъ голосомъ. — Все какъ было, такъ и осталось.

— Олеся, зачѣмъ ты говоришь мнѣ неправду? Это нехорошо съ твоей стороны... А я было-думалъ, что мы съ тобой совсѣмъ друзьями стали.

— Право же, ничего нѣтъ... Такъ... свои заботы... пустячныя...

— Нѣтъ, Олеся, должно-быть, не пустячныя. Посмотри — ты сама на себя непохожа сдѣлалась.

— Это вамъ такъ кажется только.

— Будь же со мной откровенна, Олеся. Не знаю, смогу ли я тебѣ помочь, но, можетъ-быть, хоть совѣтъ какой-нибудь дамъ... Ну, наконецъ, просто тебѣ легче станетъ, когда подѣлишься горемъ.

— Ахъ, да, правда, по стòитъ и говорить объ этомъ, — съ нетерпѣніемъ возразила Олеся. — Ничѣмъ вы тутъ намъ не можете пособить.

Старуха вдругъ съ небывалой горячностью вмѣшалась въ нашъ разговоръ:

— Чего ты фордыбачишься, дурочка! Тебѣ дѣло говорятъ, а ты носъ дерешь. Точно умнѣе тебя и на свѣтѣ-то нѣтъ никого. Позвольте, господинъ, я вамъ всю эту исторію разскажу по порядку, — повернулась она въ мою сторону.

Размѣры непріятности оказались гораздо значительнѣе, чѣмъ я могъ предположить изъ словъ гордой Олеси. Вчера вечеромъ въ избушку на курьихъ ножкахъ заѣзжалъ мѣстный урядникъ.

— Сначала-то онъ честь-честью сѣлъ и водки потребовалъ, — говорила Мануйлиха: — а потомъ и пошелъ, и пошелъ. Выбирайся, говоритъ, изъ хаты въ двадцать четыре часа со всѣми своими потрохами. Если говоритъ, я въ слѣдующій разъ пріѣду и застану тебя здѣсь, такъ и знай, не миновать тебѣ этапнаго порядка. При двухъ, говоритъ, солдатахъ отправлю тебя, анаѳему, на родину. А моя родина, батюшка, далекая, городъ Амченскъ... У меня тамъ теперь и души знакомой нѣтъ, да и пачпорта наши просрочены-распросрочены, да еще къ тому неисправные. Ахъ, Ты, Господи, несчастье мое!

— Почему же онъ раньше позволялъ тебѣ жить, а только теперь надумался? — спросилъ я.

— Да вотъ поди жъ ты... Брехалъ онъ что-то такое, да я, признаться, не поняла. Видишь, какое дѣло: хибарка эта, вотъ въ которой мы живемъ, не наша, а

помѣщичья. Вѣдь мы раньше съ Олесей на селѣ жили, а потомъ...

— Знаю, знаю, бабушка, слышалъ объ этомъ... Мужики на тебя разсердились...

— Ну вотъ, вотъ это самое. Я тогда у стараго помѣщика, господина Абросимова, эту халупу выпросила. Ну, а теперь будто бы купилъ лѣсъ новый помѣщикъ, и будто бы, хочетъ онъ какія-то болота, что ли, сушить. Только чего же я-то имъ помѣшала?

— Бабушка, а можетъ-быть, все это вранье одно? — замѣтилъ я. — Просто-напросто уряднику «красненькую» захотѣлось получить.

— Давала, родной, давала. Не бере-етъ! Вотъ исторія... Четвертной билетъ давала, не беретъ... Куд-да тебѣ! Такъ на меня вызвѣрился, что я ужъ не знала, гдѣ стою. Заладилъ въ одну душу: «вонъ да вонъ!» Чтò жъ мы теперь дѣлать будемъ, сироты мы несчастныя! Батюшка родимый, хоть бы ты намъ чѣмъ помогъ, усовѣстилъ бы его, утробу ненасытную. Вѣкъ бы, кажется, была тебѣ благодарна.

— Бабушка! — укоризненно, съ разстановкой произнесла Олеся.

— Чего тамъ — бабушка! — разсердилась старуха. — Я тебѣ уже двадцать пятый годъ — бабушка. Чтò же, по-твоему, съ сумой лучше итти? Нѣтъ, господинъ, вы ея не слушайте. Ужъ будьте милостивы, если чтò можете сдѣлать, то сдѣлайте.

Я въ неопредѣленныхъ выраженіяхъ обѣщалъ похлопотать, хотя, по правдѣ сказать, надежды было мало. Если ужъ нашъ урядникъ отказывался «взять», значитъ, дѣло было слишкомъ серьезное. Въ этотъ вечеръ Олеся простилась со мной холодно и, противъ обыкновенія, не пошла меня провожать. Я видѣлъ, что самолюбивая дѣвушка сердится на меня за мое вмѣшательство и немного стыдится бабушкиной

плаксивости.

VIII.

Было сѣренькое теплое утро. Уже нѣсколько разъ принимался итти крупный, короткій, благодатный дождь, послѣ котораго на глазахъ растетъ молодая трава и вытягиваются новые побѣги. Послѣ дождя на минутку выглядывало солнце, обливая радостнымъ сверканіемъ облитую дождемъ молодую, еще нѣжную зелень сиреней, сплошь наполнявшихъ мой палисадникъ; громче становился задорный крикъ воробьевъ на рыхлыхъ огородныхъ грядкахъ; сильнѣе благоухали клейкія коричневыя почки тополя. Я сидѣлъ у стола и чертилъ планъ лѣсной дачи, когда въ комнату вошелъ Ярмола.

— Есть врядникъ, — проговорилъ онъ мрачно.

У меня въ эту минуту совсѣмъ вылетѣло изъ головы отданное мною два дня тому назадъ приказаніе увѣдомить меня въ случаѣ пріѣзда урядника, и я никакъ не могъ сразу сообразить, какое отношеніе имѣетъ въ настоящую минуту ко мнѣ этотъ представитель власти.

— Что̀ такое? — спросилъ я въ недоумѣніи.

— Говорю, что врядникъ пріѣхалъ, — повторилъ Ярмола тѣмъ же враждебнымъ тономъ, который онъ вообще принялъ со мною за послѣдніе дни. — Сейчасъ я видѣлъ его на плотинѣ. Сюда ѣдетъ.

На улицѣ послышалось тарахтѣніе колесъ. Я поспѣшно бросился къ окну и отворилъ его. Длинный, худой, шоколаднаго цвѣта меринъ, съ отвислой нижней губой и обиженной мордой, степенной рысцой влекъ высокую тряскую плетушку, съ которой онъ былъ соединенъ при помощи одной лишь оглобли, — другую оглоблю замѣняла толстая веревка (злые уѣздные языки увѣряли, что урядникъ нарочно завелъ этотъ печальный «выѣздъ» для пресѣченія всевозможныхъ

нежелательныхъ толкованій). Урядникъ самъ правилъ лошадью, занимая своимъ чудовищнымъ тѣломъ, облеченнымъ въ сѣрую шинель щегольского офицерскаго сукна, оба сидѣнья.

— Мое почтеніе, Евпсихій Африкановичъ! — крикнулъ я, высовываясь изъ окошка.

— А-а, мое почтенье-съ! Какъ здоровьице? — отозвался онъ любезнымъ, раскатистымъ начальническимъ баритономъ.

Онъ сдержалъ мерина и, прикоснувшись выпрямленной ладонью къ козырьку, съ тяжеловѣсной граціей наклонилъ впередъ туловище.

— Зайдите на минуточку. У меня къ вамъ дѣлишко одно есть.

Урядникъ широко развелъ руками и затрясъ головой.

— Не могу-съ! При исполненіи служебныхъ обязанностей. Ѣду въ Волошу на мертвое тѣло — утопленникъ-съ.

Но я уже зналъ слабыя стороны Евпсихія Африкановича и потому сказалъ съ дѣланнымъ равнодушіемъ:

— Жаль, жаль... А я изъ экономіи графа Ворцеля добылъ пару такихъ бутылочекъ...

— Не могу-съ. Долгъ службы...

— Мнѣ буфетчикъ по знакомству продалъ. Онъ ихъ въ погребѣ какъ дѣтей родныхъ воспитывалъ... Зашли бы... А я вашему коньку овса прикажу дать.

— Вѣдь вотъ вы какой, право, — съ упрекомъ сказалъ урядникъ. — Развѣ не знаете, что служба прежде всего?.. А они съ чѣмъ, эти бутылки-то? Сливянка?

— Какое сливянка! — махнулъ я рукой. — Старка, батюшка, вотъ что!

— Мы, признаться, ужъ подзакусили, — съ

сожалѣніемъ почесалъ щеку урядникъ, невѣроятно сморщивъ при этомъ лицо.

Я продолжалъ съ прежнимъ спокойствіемъ:

— Не знаю, правда ли, но буфетчикъ божился, что ей двѣсти лѣтъ. Запахъ прямо какъ коньякъ и самой янтарной желтизны.

— Эхъ! Что̀ вы со мной дѣлаете! — воскликнулъ въ комическомъ отчаяніи урядникъ. — Кто же у меня лошадь-то приметъ?

Старки у меня дѣйствительно, оказалось нѣсколько бутылокъ, хотя и не такой древней, какъ я хвастался, но я разсчитывалъ, что сила внушенія прибавитъ ей нѣсколько десятковъ лѣтъ... Во всякомъ случаѣ это была подлинная домашняя, ошеломляющая старка, гордость погреба разорившагося магната (Евпсихій Африкановичъ, который происходилъ изъ духовныхъ, немедленно выпросилъ у меня бутылку на случай, какъ онъ выразился, могущаго произойти простуднаго заболѣванія...). И закуска у меня нашлась гастрономическая: молодая редиска со свѣжимъ, только-что сбитымъ масломъ.

— Ну-съ, а дѣльце-то ваше какого сорта? — спросилъ послѣ пятой рюмки урядникъ, откинувшись на спинку затрещавшаго подъ нимъ стараго кресла.

Я принялся излагать ему положеніе бѣдной старухи, упомянулъ про ея безпомощность и отчаяніе, вскользь прошелся насчетъ ненужнаго формализма. Урядникъ слушалъ меня съ опущенной внизъ головой, методически очищая отъ корешковъ красную, упругую, ядреную редиску и пережевывая ее съ аппетитнымъ хрустѣніемъ. Изрѣдка онъ быстро вскидывалъ на меня равнодушные, мутные, до смѣшного маленькіе и голубые глаза, но на его красной огромной физіономіи я не могъ ничего прочесть: ни сочувствія ни сопротивленія. Когда я наконецъ замолчалъ, онъ только спросилъ:

— Ну, такъ чего же вы отъ меня хотите?

— Какъ чего? — заволновался я. — Вникните же, пожалуйста, въ ихъ положеніе. Живутъ двѣ бѣдныя, беззащитныя женщины...

— И одна изъ нихъ прямо бутонъ садовый! — ехидно вставилъ урядникъ.

— Ну ужъ тамъ бутонъ или не бутонъ — это дѣло девятое. Но почему, скажите, вамъ и не принять въ нихъ участія? Будто бы вамъ ужъ такъ къ спѣху требуется ихъ выселить? Ну хоть подождите немного, покамѣстъ я самъ у помѣщика похлопочу. Чѣмъ вы рискуете, если подождете съ мѣсяцъ?

— Какъ, чѣмъ я рискую-съ?! — взвился съ кресла урядникъ. — Помилуйте, да всѣмъ рискую и прежде всего службой-съ. Богъ его знаетъ, каковъ этотъ господинъ Ильяшевичъ, новый помѣщикъ. А можетъ-быть, каверзникъ-съ... изъ такихъ, которые, чуть что, сейчасъ бумажку, перышко и доносикъ въ Петербургъ-съ? У насъ вѣдь бываютъ и такіе-съ!

Я попробовалъ успокоить расходившагося урядника.

— Ну полноте, Евпсихій Африкановичъ. Вы преувеличиваете все это дѣло. Наконецъ, что же? Вѣдь рискъ рискомъ, а благодарность все-таки благодарностью.

— Фью-ю-ю! — протяжно свистнулъ урядникъ и глубоко засунулъ руки въ карманы шароваръ. — Тоже благодарность называется! Что же вы думаете, я изъ-за какихъ-нибудь двадцати пяти рублей поставлю на карту свое служебное положеніе? Нѣтъ-съ, это вы обо мнѣ плохо понимаете.

— Да что вы горячитесь, Евпсихій Африкановичъ. Здѣсь вовсе не въ суммѣ дѣло, а просто такъ... Ну хоть по человѣчеству...

— По че-ло-вѣ-че-ству? — иронически

отчеканилъ онъ каждый слогъ. — Позвольте-съ, да у меня эти человѣки вотъ гдѣ сидятъ-съ!

Онъ энергично ударилъ себя по могучему бронзовому затылку, который свѣшивался на воротникъ жирной безволосой складкой.

— Ну, ужъ это вы, кажется, слишкомъ, Евпсихій Африкановичъ.

— Ни капельки не слишкомъ-съ. «Это — язва здѣшнихъ мѣстъ», по выраженію знаменитаго баснописца, господина Крылова. Вотъ кто эти двѣ дамы-съ! Вы не изволили читать прекрасное сочиненіе его сіятельства, князя Урусова, подъ заглавіемъ «Полицейскій урядникъ»?

— Нѣтъ, не приходилось.

— И очень напрасно-съ. Прекрасное и высоконравственное произведеніе. Совѣтую на досугѣ ознакомиться...

— Хорошо, хорошо, я съ удовольствіемъ ознакомлюсь. Но я все-таки не понимаю, какое отношеніе имѣетъ эта книжка къ двумъ бѣднымъ женщинамъ?

— Какое? Очень прямое-съ. Пунктъ первый (Евпсихій Африкановичъ загнулъ толстый, волосатый указательный палецъ на лѣвой рукѣ): «Урядникъ имѣетъ неослабное наблюденіе, чтобы всѣ ходили въ храмъ Божій съ усердіемъ, пребывая, однако, въ ономъ безъ усилія...» Позвольте узнать, ходитъ ли эта... какъ ее... Мануйлиха, что ли?.. Ходитъ ли она когда-нибудь въ церковь?

Я молчалъ, удивленный неожиданнымъ оборотомъ рѣчи. Онъ поглядѣлъ на меня съ торжествомъ и загнулъ второй палецъ.

— Пунктъ вторый: «Запрещаются повсемѣстно лжепредсказанія и лжепредзнаменованія...» Чувствуете-съ? Затѣмъ пунктъ третій-съ: «Запрещается выдавать

себя за колдуна или чародѣя и употреблять подобные обманы-съ». Что̀ вы на это скажете? А вдругъ все это обнаружится или стороной дойдетъ до начальства? Кто въ отвѣтѣ?— Я. Кого изъ службы по шапкѣ? — Меня. Видите, какая штукенція.

Онъ опять усѣлся въ кресло. Глаза его, поднятые кверху, разсѣянно бродили по стѣнамъ комнаты, а пальцы громко барабанили по столу.

— Ну, а если я васъ попрошу, Евпсихій Африкановичъ, — началъ я опять умильнымъ тономъ. — Конечно, ваши обязанности сложныя и хлопотливыя, но вѣдь сердце у васъ, я знаю, предоброе, золотое сердце. Что̀ вамъ сто̀итъ пообѣщать мнѣ не трогать этихъ женщинъ?

Глаза урядника вдругъ остановились поверхъ моей головы.

— Хорошенькое у васъ ружьишко, — небрежно уронилъ онъ, не переставая барабанить. — Славное ружьишко. Прошлый разъ, когда я къ вамъ заѣзжалъ и не засталъ дома, я все на него любовался... Чудное ружьецо!

Я тоже повернулъ голову назадъ и поглядѣлъ на ружье.

— Да, ружье недурное, — похвалилъ я. — Вѣдь оно старинное, фабрики Гастинъ-Реннета, я его только въ прошломъ году на центральное передѣлалъ. Вы обратите вниманіе на стволы.

— Какъ-же-съ, какъ-же-съ... я на стволы-то главнымъ образомъ и любовался. Великолѣпная вещь... Просто, можно сказать, сокровище.

Наши глаза встрѣтились, и я увидѣлъ, какъ въ углахъ губъ урядника дрогнула легкая, но многозначительная улыбка. Я поднялся съ мѣста, снялъ со стѣны ружье и подошелъ съ нимъ къ Евпсихію Африкановичу.

— У черкесовъ есть очень милый обычай дарить гостю все, что̀ онъ похвалитъ, — сказалъ я любезно. — Мы съ вами хотя и не черкесы, Евпсихій Африкановичъ, но я прошу васъ принять отъ меня эту вещь на память.

Урядникъ для виду застыдился.

— Помилуйте, такую прелесть! Нѣтъ, нѣтъ, это уже черезчуръ щедрый обычай!

Однако мнѣ не пришлось долго его уговаривать. Урядникъ принялъ ружье, бережно поставилъ его между своихъ колѣнъ и любовно отеръ чистымъ носовымъ платкомъ пыль, осѣвшую на спусковой скобѣ. Я немного успокоился, увидѣвъ, что ружье по крайней мѣрѣ перешло въ руки любителя и знатока. Почти тотчасъ Евпсихій Африкановичъ всталъ и заторопился ѣхать.

— Дѣло не ждетъ, а я тутъ съ вами забалакался, — говорилъ онъ, громко стуча о полъ неналѣзавшими калошами. — Когда будете въ нашихъ краяхъ, милости просимъ ко мнѣ.

— Ну, а какъ же насчетъ Мануйлихи, господинъ начальство? — деликатно напомнилъ я.

— Посмотримъ, увидимъ... — неопредѣленно буркнулъ Евпсихій Африкановичъ. — Я вотъ васъ еще о чемъ хотѣлъ попросить... Редисъ у васъ замѣчательный...

— Самъ вырастилъ.

— Уд-дивительный редисъ! А у меня, знаете ли, моя благовѣрная страшная обожательница всякой овощи. Такъ если бы, знаете, того... пучочекъ одинъ.

— Съ наслажденіемъ, Евпсихій Африкановичъ. Сочту долгомъ... Сегодня же съ нарочнымъ отправлю корзиночку. И маслица ужъ позвольте заодно... Масло у меня на рѣдкость.

— Ну, и маслица... — милостиво разрѣшилъ урядникъ. — а этимъ бабамъ вы дайте ужъ знакъ, что я ихъ пока-что не трону. Только пусть онѣ вѣдаютъ, —

вдругъ возвысилъ онъ голосъ: — что однимъ спасибо отъ меня не отдѣлаются. А засимъ желаю здравствовать. Еще разъ мерси вамъ за подарочекъ и за угощеніе.

Онъ по-военному пристукнулъ каблуками и грузной походкой сытаго важнаго человѣка пошелъ къ своему экипажу, около котораго въ почтительныхъ позахъ безъ шапокъ уже стояли сотскій, сельскій староста и Ярмола.

IX.

Евпсихій Аѳрикановичъ сдержалъ свое обѣщаніе и оставилъ на неопродѣленное время въ покоѣ обитательницъ лѣсной хатки. Но мои отношенія съ Олесей рѣзко и странно измѣнились. Въ ея обращеніи со мной не осталось и слѣда прежней довѣрчивой и наивной ласки, прежняго оживленія, въ которомъ такъ мило смѣшивалось кокетство красивой дѣвушки съ рѣзвой ребяческой шаловливостью. Въ нашемъ разговорѣ появилась какая-то непреодолимая неловкая принужденность... Съ поспѣшной боязливостью Олеся избѣгала живыхъ темъ, дававшихъ раньше такой безбрежный просторъ нашему любопытству.

Въ моемъ присутствіи она отдавалась работѣ съ напряженной, суровой дѣловитостью, но часто я наблюдалъ, какъ среди этой работы ея руки вдругъ опускались безсильно вдоль колѣнъ, а глаза неподвижно и неопредѣленно устремлялись внизъ, на полъ. Если въ такую минуту я называлъ Олесю по имени или предлагалъ ей какой-нибудь вопросъ, она вздрагивала и медленно обращала ко мнѣ свое лицо, въ которомъ отражались испугъ и усиліе понять смыслъ моихъ словъ. Иногда мнѣ казалось, что ее тяготитъ и стѣсняетъ мое общество, но это предположеніе плохо вязалось съ громаднымъ интересомъ, возбуждаемымъ въ ней всего

лишь нѣсколько дней тому назадъ каждымъ моимъ замѣчаніемъ, каждой фразой... Оставалось думать только, что Олеся не хочетъ мнѣ простить моего, такъ возмутившаго ея независимую натуру, покровительства въ дѣлѣ съ урядникомъ. Но и эта догадка не удовлетворяла меня: откуда, въ самомъ дѣлѣ, могла явиться у простой, выросшей среди лѣса дѣвушки такая чрезмерно-щепетильная гордость?

Все это требовало разъясненій, а Олеся упорно избѣгала всякаго благопріятнаго случая для откровеннаго разговора. Наши вечернія прогулки прекратились. Напрасно каждый день, собираясь уходить, я бросалъ на Олесю краснорѣчивые, умоляющіе взгляды, — она дѣлала видъ, что не понимаетъ ихъ значенія. Присутствіе же старухи, несмотря на ея глухоту, безпокоило меня.

Иногда я возмущался противъ собственнаго безсилія и противъ привычки, тянувшей меня каждый день къ Олесѣ. Я и самъ не подозрѣвалъ, какими тонкими, крѣпкими, незримыми нитями было привязано мое сердце къ этой очаровательной, непонятной для меня дѣвушкѣ. Я еще не думалъ о любви, но я уже переживалъ тревожный, предшествующій любви періодъ, полный смутныхъ, томительно-грустныхъ ощущеній. Гдѣ бы я ни былъ, чѣмъ бы ни старался развлечься, — всѣ мои мысли были заняты образомъ Олеси, все мое существо стремилось къ ней, каждое воспоминаніе объ ея, иной разъ самыхъ ничтожныхъ словахъ, объ ея жестахъ и улыбкахъ, сжимало съ тихой в сладкой болью мое сердце. Но наступалъ вечеръ, и я подолгу сидѣлъ возлѣ нея на низкой шаткой скамеечкѣ, съ досадой чувствуя себя все болѣе робкимъ, неловкимъ и ненаходчивымъ.

Однажды я провелъ такимъ образомъ около Олеси цѣлый день. Уже съ утра я себя чувствовалъ

нехорошо, хотя еще не могъ ясно опредѣлить, въ чемъ заключалось мое нездоровье. Къ вечеру мнѣ стало хуже. Голова сдѣлалась тяжелой, въ ушахъ шумѣло, въ темени я ощущалъ тупую безпрестанную боль, — точно кто-то давилъ на него мягкой, но сильной рукой. Во рту у меня пересохло, и по всему тѣлу постоянно разливалась какая-то лѣнивая, томная слабость, отъ которой каждую минуту хотѣлось зѣвать и тянуться. Въ глазахъ чувствовалась такая боль, какъ будто бы я только-что пристально и близко глядѣлъ на блестящую точку.

Когда же позднимъ вечеромъ я возвращался домой, то какъ разъ на серединѣ пути меня вдругъ схватилъ и затрясъ бурный приступъ озноба. Я шелъ, почти не видя дороги, почти не сознавая, куда иду, и шатаясь, какъ пьяный, между тѣмъ какъ мои челюсти выбивали одна о другую частую и громкую дробь.

Я до сихъ поръ не знаю, кто довезъ меня до дому... Ровно шесть дней била меня неотступная, ужасная полѣсская лихорадка. Днемъ недугъ какъ будто бы затихалъ, и ко мнѣ возвращалось сознаніе. Тогда, совершенно изнуренный болѣзнью, я еле-еле бродилъ по комнатѣ съ болью и слабостью въ колѣняхъ; при каждомъ болѣе сильномъ движеніи кровь приливала горячей волной къ головѣ и застилала мракомъ всѣ предметы передъ моими глазами. Вечеромъ же, обыкновенно часовъ около семи, какъ буря, налеталъ на меня приступъ болѣзни, и я проводилъ на постели ужасную, длинную, какъ столѣтіе, ночь, то трясясь подъ одѣяломъ отъ холода, то пылая невыносимымъ жаромъ. Едва только дремота слегка касалась меня, какъ странныя, нелѣпыя, мучительно-пестрыя сновидѣнія начинали играть моимъ разгоряченнымъ мозгомъ. Все мои грезы были полны мелочныхъ, микроскопическихъ деталей, громоздившихся и цеплявшихся одна за другую въ безобразной сутолокѣ. То мнѣ казалось, что я

разбираю какіе-то разноцвѣтные, причудливыхъ формъ ящики, вынимая маленькіе изъ большихъ, а изъ маленькихъ еще меньшіе, и никакъ не могу прекратить этой безконечной работы, которая мнѣ давно уже кажется отвратительной. То мелькали передъ моими глазами съ одуряющей быстротой длинныя яркія полосы обоевъ, и на нихъ, вмѣсто узоровъ, я съ изумительной отчетливостью видѣлъ цѣлыя гирлянды изъ человѣческихъ физіономій — порою красивыхъ, добрыхъ и улыбающихся, порою дѣлающихъ страшныя гримасы, высовывающихъ языки, скалящихъ зубы и вращающихъ огромными бѣлками. Затѣмъ я вступалъ съ Ярмолой въ запутанный, необычайно сложный отвлеченный споръ. Съ каждой минутой доводы, которые мы приводили другъ другу, становились все болѣе тонкими и глубокими; отдѣльныя слова и даже буквы словъ принимали вдругъ таинственное, неизмѣримое значеніе, и вмѣстѣ съ тѣмъ меня все сильнѣе охватывалъ брезгливый ужасъ передъ невѣдомой, противоестественной силой, что̀ выматываетъ изъ моей головы одинъ за другимъ уродливые софизмы и не позволяетъ мнѣ прервать давно уже опротивѣвшаго спора...

Это былъ какой-то кипящій вихрь человѣческихъ и звѣриныхъ фигуръ, ландшафтовъ, предметовъ самыхъ удивительныхъ формъ и цвѣтовъ, словъ и фразъ, значеніе которыхъ воспринималось всѣми чувствами... Но — странное дѣло — въ то же время я не переставалъ видѣть на потолкѣ свѣтлый ровный кругъ, отбрасываемый лампой съ зеленымъ обгорѣвшимъ абажуромъ. И я зналъ почему-то, что въ этомъ спокойномъ кругѣ съ нечеткими краями притаилась безмолвная, однообразная, таинственная и грозная жизнь, еще болѣе жуткая и угнетающая, чѣмъ бѣшеный хаосъ моихъ сновидѣній.

Потомъ я просыпался, или, вѣрнѣе, не просыпался, а внезапно заставалъ себя бодрствующимъ. Сознаніе почти возвращалось ко мнѣ. Я понималъ, что лежу въ постели, что я боленъ, что я только-что бредилъ, но свѣтлый кругъ на темномъ потолкѣ все-таки пугалъ меня затаенной зловѣщей угрозой. Слабою рукой дотягивался я до часовъ, смотрѣлъ на нихъ и съ тоскливымъ недоумѣніемъ убѣждался, что вся безконечная вереница моихъ уродливыхъ сновъ заняла не болѣе двухъ-трехъ минутъ. «Господи! Да когда же настанетъ разсвѣтъ!» — съ отчаяніемъ думалъ я, мечась головой по горячимъ подушкамъ и чувствуя, какъ опаляетъ мнѣ губы мое собственное тяжелое и короткое дыханіе... Но вотъ опять овладѣвала мною тонкая дремота, и опять мозгъ мой дѣлался игралищемъ пестраго кошмара, и опять черезъ двѣ минуты я просыпался, охваченный смертельной тоской...

Черезъ шесть дней моя крѣпкая натура, вмѣстѣ съ помощью хинина и настоя подорожника, побѣдила болѣзнь. Я всталъ съ постели весь разбитый, едва держась на ногахъ. Выздоровленіе совершалось съ жадной быстротой. Въ головѣ, утомленной шестидневнымъ лихорадочнымъ бредомъ, чувствовалось теперь лѣнивое и пріятное отсутствіе мыслей. Аппетитъ явился въ удвоенномъ размѣрѣ, и тѣло мое крѣпло по часамъ, впивая каждой своей частицей здоровье и радость жизни. Вмѣстѣ съ тѣмъ съ новой силой потянуло меня въ лѣсъ, въ одинокую, покривившуюся хату. Нервы мои еще не оправились, и каждый разъ, вызывая въ памяти лицо и голосъ Олеси, я чувствовалъ такое нѣжное умиленіе, что мнѣ хотѣлось плакать.

X.

Прошло еще пять дней, и я настолько окрѣпъ,

что пѣшкомъ, безъ малѣйшей усталости, дошелъ до избушки на курьихъ ножкахъ. Когда я ступилъ на ея порогъ, то сердце забилось съ тревожнымъ страхомъ у меня въ груди. Почти двѣ недѣли не видалъ я Олеси и теперь особенно ясно понялъ, какъ была она мнѣ близка и мила. Держась за скобку двери, я нѣсколько секундъ медлилъ и едва переводилъ дыханіе. Въ нерѣшимости я даже закрылъ глаза на нѣкоторое время, прежде чѣмъ толкнуть дверь...

Въ впечатлѣніяхъ, подобныхъ тѣмъ, которыя послѣдовали за моимъ входомъ, никогда невозможно разобраться... Развѣ можно запомнить слова, произносимыя въ первые моменты встрѣчи матерью и сыномъ, мужемъ и женой, или двумя влюбленными? Говорятся самыя простыя, самыя обиходныя фразы, смѣшныя даже, если ихъ записывать съ точностью на бумагѣ. Но здѣсь каждое слово умѣстно и безконечно мило уже потому, что говорится оно самымъ дорогимъ на свѣтѣ голосомъ.

Я помню, очень ясно помню только то, что ко мнѣ быстро обернулось блѣдное лицо Олеси, и что на этомъ прелестномъ, новомъ для меня лицѣ въ одно мгновеніе отразились, смѣняя другъ друга, недоумѣніе, испугъ, тревога и нѣжная, сіяющая улыбка любви... Старуха что-то шамкала, топчась возлѣ меня, но я не слышалъ ея привѣтствій. Голосъ Олеси донесся до меня, какъ сладкая музыка:

— Что̀ съ вами случилось? Вы были больны? Охъ, какъ же вы исхудали, бѣдный мой.

Я долго не могъ ей ничего отвѣтить, и мы молча стояли другъ противъ друга, держась за руки, прямо, глубоко и радостно смотря другъ другу въ глаза. Эти нѣсколько молчаливыхъ секундъ я всегда считаю самыми счастливыми въ моей жизни, — никогда, никогда, ни раньше ни позднѣе, я не испытывалъ такого чистаго,

полнаго, всепоглощающаго восторга. И какъ много я читалъ въ большихъ темныхъ глазахъ Олеси: и волненіе встрѣчи, и упрекъ за мое долгое отсутствіе, и горячее признаніе въ любви... Я почувствовалъ, что вмѣстѣ съ этимъ взглядомъ Олеся отдаетъ мнѣ радостно, безъ всякихъ условій и колебаній, все свое существо.

Она первая нарушила это очарованіе, указавъ мнѣ медленнымъ движеніемъ вѣкъ на Мануйлиху. Мы усѣлись рядомъ, и Олеся принялась подробно и заботливо разспрашивать меня о ходѣ моей болѣзни, о лѣкарствахъ, которыя я принималъ, о словахъ и мнѣніяхъ доктора (два раза пріѣзжавшаго ко мнѣ изъ мѣстечка). Про доктора она заставила меня разсказать нѣсколько разъ подъ рядъ, и я порою замѣчалъ на ея губахъ бѣглую насмѣшливую улыбку.

— Ахъ, зачѣмъ я не знала, что вы захворали! — воскликнула она съ нетерпѣливымъ сожалѣніемъ.— Я бы въ одинъ день васъ на ноги поставила... Ну, какъ же имъ можно довѣриться, когда они ничего, ни-че-го не понимаютъ? Почему вы за мной не послали?

Я замялся.

— Видишь ли, Олеся... это и случилось такъ внезапно... и кромѣ того я боялся тебя безпокоить. Ты въ послѣднее время стала со мной какая-то странная, точно все сердилась на меня, или надоѣлъ я тебѣ... Послушай, Олеся, — прибавилъ я, понижая голосъ: — намъ съ тобой много, много нужно поговорить... только однимъ... понимаешь?

Она тихо опустила вѣки въ знакъ согласія, потомъ боязливо оглянулась на бабушку и быстро шепнула:

— Да... я и сама хотѣла... потомъ... подождите...

Едва только закатилось солнце, какъ Олеся стала меня торопить итти домой.

— Собирайтесь, собирайтесь скорѣе, — говорила

она, увлекая меня за руку со скамейки. — Если васъ теперь сыростью охватитъ, — болѣзнь сейчасъ же назадъ вернется.

— А ты куда же, Олеся? — спросила вдругъ Мануйлиха, видя, что ея внучка поспѣшно набросила на голову большой сѣрый шерстяной платокъ.

— Пойду... провожу немножко, — отвѣтила Олеся.

Она произнесла это равнодушно, глядя не на бабушку, а въ окно, но въ ея голосѣ я уловилъ чуть замѣтный оттѣнокъ раздраженія.

— Пойдешь-таки? — съ удареніемъ переспросила старуха.

Глаза Олеси сверкнули и въ упоръ остановились на лицѣ Мануйлихи.

— Да, и пойду! — возразила она надменно. — Ужъ давно объ этомъ говорено и переговорено... Мое дѣло, мой и отвѣтъ.

— Эхъ, ты!.. — съ досадой и укоризной воскликнула старуха.

Она хотѣла еще что-то прибавить, но только махнула рукой, поплелась своей дрожащей походкой въ уголъ и, кряхтя, закопошилась тамъ надъ какой-то корзиной.

Я понялъ, что этотъ быстрый недовольный разговоръ, которому я только-что былъ свидѣтелемъ, служитъ продолженіемъ длиннаго ряда взаимныхъ ссоръ и вспышекъ. Спускаясь рядомъ съ Олесей къ бору, я спросилъ ее:

— Бабушка не хочетъ, чтобы ты ходила со мной гулять? Да?

Олеся съ досадой пожала плечами.

— Пожалуйста, не обращайте на это вниманія. Ну да, не хочетъ... Что̀ жъ!.. Развѣ я не вольна дѣлать, что̀ мнѣ нравится?

Во мнѣ вдругъ поднялось неудержимое желаніе упрекнуть Олесю за ея прежнюю суровость.

— Значитъ, и раньше, еще до моей болѣзни, ты тоже могла, но только не хотѣла оставаться со мною одинъ-на-одинъ... Ахъ, Олеся, если бы ты знала, какую ты причиняла мнѣ боль... Я такъ ждалъ, такъ ждалъ каждый вечеръ, что ты опять пойдешь со мною... А ты, бывало, всегда такая невнимательная, скучная, сердитая... О, какъ ты меня мучила, Олеся!..

— Ну, перестаньте, голубчикъ... Забудьте это, — съ мягкимъ извиненіемъ въ голосѣ попросила Олеся.

— Нѣтъ, я вѣдь не въ укоръ тебѣ говорю, — такъ, къ слову пришлось... Теперь я понимаю, почему это было... А вѣдь сначала — право, даже смѣшно и вспомнить — я подумалъ, что ты обидѣлась на меня изъ-за урядника. И эта мысль меня сильно огорчала. Мнѣ казалось, что ты меня такимъ далекимъ, чужимъ человѣкомъ считаешь, что даже простую дружескую услугу тебѣ отъ меня трудно принять... Очень мнѣ это было горько... Я вѣдь и не подозрѣвалъ Олеся, что все это отъ бабушки идетъ...

Лицо Олеси вдругъ вспыхнуло яркимъ румянцемъ.

— И вовсе не отъ бабушки!.. Сама я этого не хотѣла! — горячо, съ задоромъ воскликнула она.

Я поглядѣлъ на нее сбоку, такъ что мнѣ сталъ виденъ чистый, нѣжный профиль ея слегка наклоненной головы. Только теперь я замѣтилъ, что и сама Олеся похудѣла за это время, и вокругъ ея глазъ легли голубоватыя тѣни. Почувствовавъ мой взглядъ, Олеся вскинула на меня глаза, но тотчасъ же опустила ихъ и отвернулась съ застѣнчивой улыбкой.

— Почему ты не хотѣла, Олеся? Почему? — спросилъ я обрывающимся отъ волненія голосомъ и, схвативъ Олесю за руку, заставилъ ее остановиться.

Мы въ это время находились какъ разъ на серединѣ длинной, узкой и прямой, какъ стрѣла, лѣсной просѣки. Высокія, стройныя сосны обступали насъ съ обѣихъ сторонъ, образуя гигантскій, уходящій вдаль коридоръ со сводомъ изъ душистыхъ сплетшихся вѣтвей. Голые, облупившіеся стволы были окрашены багровымъ отблескомъ догорающей зари...

— Почему? Почему, Олеся? — твердилъ я шопотомъ и все сильнѣе сжималъ ея руку.

— Я не могла... Я боялась, — еле слышно произнесла Олеся. — Я думала, что можно уйти отъ судьбы... А теперь... теперь...

Она задохнулась, точно ей не хватало воздуху, и вдругъ ея руки быстро и крѣпко обвились вокругъ моей шеи, и мои губы сладко обжегъ торопливый, дрожащій шопотъ Олеси:

— Теперь мнѣ все равно, все равно!.. Потому что я люблю тебя, мой дорогой, мое счастье, мой ненаглядный!..

Она прижималась ко мнѣ все сильнѣе, и я чувствовалъ, какъ трепетало подъ моими руками ея сильное, крѣпкое, горячее тѣло, какъ часто билось около моей груди ея сердце. Ея страстные поцѣлуи вливались въ мою еще не окрѣпшую отъ болѣзни голову, какъ пьяное вино, и я началъ терять самообладаніе.

— Олеся, ради Бога, не надо... оставь меня, — говорилъ я, стараясь разжать ея руки. — Теперь и я боюсь... боюсь самого себя... Пусти меня, Олеся.

Она подняла кверху свое лицо, и все оно освѣтилось томной, медленной улыбкой.

— Не бойся, мой миленькій, — сказала она съ непередаваемымъ выраженіемъ нѣжной ласки и трогательной смѣлости. — Я никогда не попрекну тебя, ни къ кому ревновать не стану... Скажи только: любишь ли?

— Люблю, Олеся. Давно люблю и крѣпко люблю. Но... не цѣлуй меня больше... Я слабѣю, у меня голова кружится, я не ручаюсь за себя...

Ея губы опять долго и мучительно-сладко прильнули къ моимъ, и я не услышалъ, а скорѣе угадалъ ея слова:

— Ну, такъ и не бойся и не думай ни о чемъ больше... Сегодня нашъ день, и никто у насъ его не отниметъ...

.....

И вся эта ночь слилась въ какую-то волшебную, чарующую сказку. Взошелъ мѣсяцъ, и его сіяніе причудливо, пестро и таинственно расцвѣтило лѣсъ, легло среди мрака нервными, изсиня блѣдными пятнами на корявые стволы, на изогнутые сучья, на мягкій, какъ плюшевый коверъ, мохъ. Тонкіе стволы березъ бѣлѣли рѣзко и отчетливо, а на ихъ рѣдкую листву, казалось, были наброшены серебристые, прозрачные, газовые покровы. Мѣстами свѣтъ вовсе не проникалъ подъ густой навѣсъ сосновыхъ вѣтвей. Тамъ стоялъ полный, непроницаемый мракъ, и только въ самой серединѣ его скользнувшій неведомо откуда лучъ вдругъ ярко озарялъ длинный рядъ деревьевъ и бросалъ на землю узкую правильную дорожку, — такую свѣтлую, нарядную и прелестную, точно аллея, убранная эльфами для торжественнаго шествія Оберона и Титаніи. И мы шли, обнявшись, среди этой улыбающейся живой легенды, безъ единаго слова, подавленные своимъ счастіемъ и жуткимъ безмолвіемъ лѣса.

— Дорогой мой, а я вѣдь и забыла совсѣмъ, что тебѣ домой надо спешить, — спохватилась вдругъ Олеся. — Вотъ какая гадкая! Ты только-что выздоровѣлъ, а я тебя до сихъ поръ въ лѣсу держу.

Я обнялъ ее и откинулъ платокъ съ ея густыхъ

темныхъ волосъ и, наклонясь къ ея уху, спросилъ чуть слышно:

— Ты не жалѣешь, Олеся? Не раскаиваешься?

Она медленно покачала головой.

— Нѣтъ, нѣтъ... Что̀ бы потомъ ни случилось, я не пожалею, мнѣ такъ хорошо...

— А развѣ непремѣнно должно что-нибудь случиться?

Въ ея глазахъ мелькнуло отраженіе знакомаго мнѣ мистическаго ужаса.

— О, да, непремѣнно... Помнишь, я тебѣ говорила про трефовую даму? Вѣдь эта трефовая дама — я, это со мной будетъ несчастье, про что сказали карты... Ты знаешь, я вѣдь хотѣла тебя попросить, чтобы ты и вовсе у насъ пересталъ бывать. А тутъ какъ разъ ты заболѣлъ, и я тебя чуть не полмѣсяца не видала... И такая меня по тебѣ тоска обуяла, такая грусть, что, кажется, все бы на свѣтѣ отдала, лишь бы съ тобой хоть минуточку еще побыть... Вотъ тогда-то я и рѣшилась. Пусть, думаю, что̀ будетъ, то и будеть, а я своей радости никому не отдамъ...

— Это правда, Олеся. Это и со мной такъ было, — сказалъ я, прикасаясь губами къ ея виску. — Я до тѣхъ поръ не зналъ, что люблю тебя, покамѣстъ не разстался съ тобой. Не даромъ, видно, кто-то сказалъ, что разлука для любви то же, что̀ вѣтеръ для огня: маленькую любовь она тушитъ, а большую раздуваетъ еще сильнѣй.

— Какъ ты сказалъ? Повтори, повтори, пожалуйста, — заинтересовалась Олеся.

Я повторилъ еще разъ это, не знаю кому принадлежащее изреченіе. Олеся задумалась, и я увидѣлъ по движенію ея губъ, что она повторяетъ мои слова.

Я близко вглядывался въ ея блѣдное, закинутое

назадъ лицо, въ ея большіе черные глаза съ блестѣвшими въ нихъ яркими лунными бликами, — и смутное предчувствіе близкой бѣды вдругъ внезапнымъ холодомъ заползло въ мою душу.

XI.

Почти цѣлый мѣсяцъ продолжалась наивная, очаровательная сказка нашей любви, и до сихъ поръ вмѣстѣ съ прекраснымъ обликомъ Олеси живутъ съ неувядающей силой въ моей душѣ эти пылающія вечернія зори, эти росистыя, благоухающія ландышами и медомъ утра̀, полныя бодрой свѣжести и звонкаго птичьяго гама, эти жаркіе, томные, лѣнивые іюньскіе дни... Ни разу ни скука, ни утомленіе, ни вѣчная страсть къ бродячей жизни не шевельнулись за это время въ моей душѣ. Я, какъ языческій богъ или какъ молодое, сильное животное, наслаждался свѣтомъ, тепломъ, сознательной радостью жизни и спокойной, здоровой, чувственной любовью.

Старая Мануйлиха стала послѣ моего выздоровленія такъ несносно-брюзглива, встрѣчала меня съ такой откровенной злобой и, покамѣстъ я сидѣлъ въ хатѣ, съ такимъ шумнымъ ожесточеніемъ двигала горшками въ печкѣ, что мы съ Олесей предпочли сходиться каждый вечеръ въ лѣсу... И величественная зеленая прелесть бора, какъ драгоцѣнная оправа, украшала нашу безмятежную любовь.

Каждый день я все съ бо̀льшимъ удивленіемъ находилъ, что Олеся — эта выросшая среди лѣса, не умѣющая даже читать дѣвушка — во многихъ случаяхъ жизни проявляетъ чуткую деликатность и особенный, врожденный тактъ. Въ любви — въ прямомъ, грубомъ ея смыслѣ — всегда есть ужасныя стороны, составляющія мученье и стыдъ для нервныхъ художественныхъ

натуръ. Но Олеся умѣла избѣгать ихъ съ такой наивной цѣломудренностью, что ни разу ни одно дурное сравненіе, ни одинъ циничный моментъ не оскорбили нашей связи.

Между тѣмъ приближалось время моего отъѣзда. Собственно говоря, всѣ мои служебныя обязанности въ Переброд̀ѣ были уже покончены, и я умышленно оттягивалъ срокъ моего возвращенія въ городъ. Я еще ни слова не говорилъ объ этомъ Олесѣ, боясь даже представить себѣ, какъ она приметъ мое извѣщеніе о необходимости уѣхать. Вообще я находился въ затруднительномъ положеніи. Привычка пустила во мнѣ слишкомъ глубокіе корни. Видѣть ежедневно Олесю, слышать ея милый голосъ и звонкій смѣхъ, ощущать нѣжную прелесть ея ласки — стало для меня больше, чѣмъ необходимостью. Въ рѣдкіе дни, когда ненастье мѣшало намъ встрѣчаться, я чувствовалъ себя точно потеряннымъ, точно лишеннымъ чего-то самаго главнаго, самаго важнаго въ моей жизни. Всякое занятіе казалось мнѣ скучнымъ, лишнимъ, и все мое существо стремилось въ лѣсъ, къ теплу, къ свѣту, къ милому, привычному лицу Олеси.

Мысль жениться на Олесѣ все чаще и чаще приходила мнѣ въ голову. Сначала она лишь изрѣдка представлялась мнѣ, какъ возможный, на крайній случай, честный исходъ изъ нашихъ отношеній. Одно лишь обстоятельство пугало и останавливало меня: я не смѣлъ даже воображать себе, какова будетъ Олеся, одѣтая въ модное платье, разговаривающая въ гостиной съ женами моихъ сослуживцевъ, исторгнутая изъ этой очаровательной рамки стараго лѣса, полнаго легендъ и таинственныхъ силъ.

Но чѣмъ ближе подходило время моего отъѣзда, тѣмъ большій ужасъ одиночества и бо̀льшая тоска овладѣвали мною. Рѣшеніе жениться съ каждымъ днемъ

крѣпло въ моей душѣ, и подъ конецъ я уже пересталъ видѣть въ немъ дерзкій вызовъ обществу. «Женятся же хорошіе и ученые люди на швейкахъ, на горничныхъ, — утѣшалъ я себя: — и живутъ прекрасно, и до конца дней своихъ благословляютъ судьбу, толкнувшую ихъ на это рѣшеніе. Не буду же я несчастнѣе другихъ, въ самомъ дѣлѣ?»

Однажды въ серединѣ іюня, подъ вечеръ, я, по обыкновенію, ожидалъ Олесю на поворотѣ узкой лѣсной тропинки между кустами цвѣтущаго боярышника. Я еще издали узналъ легкій, быстрый шумъ ея шаговъ.

— Здравствуй, мой родненькій, — сказала Олеся, обнимая меня и тяжело дыша. — Заждался, небось? А я насилу-насилу вырвалась... Все съ бабушкой воевала.

— До сихъ поръ не утихла?

— Куда тамъ! «Ты, говоритъ, пропадешь изъ-за него... Натѣшится онъ тобою вволю, да и броситъ. Не любитъ онъ тебя вовсе...»

— Это она про меня такъ?

— Про тебя, милый... Вѣдь я все равно ни одному ея словечку не вѣрю.

— А она все знаетъ?

— Не скажу наверно... кажется, знаетъ. Я съ ней, впрочемъ, объ этомъ ничего не говорю — сама догадывается. Ну, да что̀ объ этомъ думать... Пойдемъ.

Она сорвала вѣтку боярышника съ пышнымъ гнѣздомъ бѣлыхъ цвѣтовъ и воткнула себѣ въ волосы. Мы медленно пошли по тропинкѣ, чуть розовѣвшей на вечернемъ солнцѣ.

Я еще прошлой ночью рѣшилъ во что бы то ни стало высказаться въ этотъ вечеръ. Но странная робость отяжеляла мой языкъ. Я думалъ: если я скажу Олесѣ о моемъ отъѣздѣ и объ женитьбѣ, то повѣритъ ли она мнѣ? Не покажется ли ей, что я своимъ предложеніемъ только

уменьшаю, смягчаю первую боль наносимой раны? «Вотъ какъ дойдемъ до того клена съ ободраннымъ стволомъ, такъ сейчасъ же и начну», — назначилъ я себѣ мысленно. Мы ровнялись съ кленомъ, и я, блѣднѣя отъ волненія, уже переводилъ дыханіе, чтобы начать говорить, но внезапно моя смѣлость ослабѣвала, разрѣшаясь нервнымъ, болѣзненнымъ біеніемъ сердца и холодомъ во рту. «Двадцать семь — мое феральное число, — думалъ я нѣсколько минутъ спустя: — досчитаю до двадцати семи, и тогда!..» И я принимался считать въ умѣ, но когда доходилъ до двадцати семи, то чувствовалъ, что рѣшимость еще не созрѣла во мнѣ. «Нѣтъ, — говорилъ я себѣ: — лучше ужъ буду продолжать считать до шестидесяти, — это составитъ какъ разъ цѣлую минуту, — и тогда непремѣнно, непремѣнно...»

— Что̀ такое сегодня съ тобой? — спросила вдругъ Олеся. — Ты думаешь о чемъ-то непріятномъ. Что̀ съ тобой случилось?

Тогда я заговорилъ, но заговорилъ какимъ-то самому мнѣ противнымъ тономъ, съ напускной, неестественной небрежностью, точно дѣло шло о самомъ пустячномъ предметѣ.

— Дѣйствительно, есть маленькая непріятность... ты угадала, Олеся... Видишь ли, моя служба здѣсь окончена, и меня начальство вызываетъ въ городъ.

Мелькомъ, сбоку я взглянулъ на Олесю и увидѣлъ, какъ сбѣжала краска съ ея лица, и какъ задрожали ея губы. Но она не отвѣтила мнѣ ни слова. Нѣсколько минутъ я молча шелъ съ ней рядомъ. Въ травѣ громко кричали кузнечики, и откуда-то издалека доносился однообразный, напряженный скрипъ коростеля.

— Ты, конечно, и сама понимаешь, Олеся, —

опять началъ я: — что мнѣ здѣсь оставаться неудобно и негдѣ, да наконецъ и службой пренебрегать нельзя...

— Нѣтъ... что̀ же... тутъ и говорить нечего, — отозвалась Олеся, какъ будто бы спокойно, но такимъ глухимъ, безжизненнымъ голосомъ, что мнѣ стало жутко. — Если служба, то, конечно... надо ѣхать...

Она остановилась около дерева и оперлась спиною объ его стволъ, вся блѣдная, съ безсильно упавшими вдоль тѣла руками, съ жалкой, мучительной улыбкой на губахъ. Ея блѣдность испугала меня. Я кинулся къ ней и крѣпко сжалъ ея руки.

— Олеся... что̀ съ тобой? Олеся... милая!..

— Ничего... извините меня... это пройдетъ. Такъ... голова закружилась...

Она сдѣлала надъ собой усиліе и прошла впередъ, не отнимая у меня своей руки.

— Олеся, ты теперь обо мнѣ дурно подумала, — сказалъ я съ упрекомъ. — Стыдно тебѣ! Неужели и ты думаешь, что я могу уѣхать, бросивъ тебя? Нѣтъ, моя дорогая. Я потому и началъ этотъ разговоръ, что хочу сегодня же пойти къ твоей бабушкѣ и сказать ей, что ты будешь моей женой.

Совсѣмъ неожиданно для меня, Олесю почти не удивили мои слова.

— Твоей женой? — Она медленно и печально покачала головой. — Нѣтъ, Ванечка милый, это невозможно!

— Почему же, Олеся? Почему?

— Нѣтъ, нѣтъ... Ты и самъ понимаешь, что объ этомъ смѣшно и думать. Ну какая я тебѣ жена на самомъ дѣлѣ? Ты — баринъ, ты умный, образованный, а я? Я и читать не умѣю, и куда ступить не знаю... Ты одного стыда изъ-за меня не оберешься...

— Это все глупости, Олеся! — возразилъ я горячо. — Ты черезъ полгода сама себя не узна̀ешь. Ты

не подозреваешь даже, сколько въ тебѣ врожденнаго ума и наблюдательности. Мы съ тобой вмѣстѣ прочитаемъ много хорошихъ книжекъ, познакомимся съ добрыми, умными людьми, мы съ тобой весь широкій свѣтъ увидимъ, Олеся... Мы до старости, до самой смерти будемъ итти рука объ руку, вотъ какъ теперь идемъ, и не стыдиться, а гордиться тобой я буду и благодарить тебя!..

На мою пылкую рѣчь Олеся отвѣтила мнѣ признательнымъ пожатіемъ руки, но продолжала стоять на своемъ.

— Да развѣ это одно?.. Можетъ-быть, ты еще не знаешь?.. Я никогда не говорила тебѣ... Вѣдь у меня отца нѣтъ... Я незаконная...

— Перестань, Олеся... Это меньше всего меня останавливаетъ. Что̀ мнѣ за дѣло до твоей родни, если ты сама для меня дороже отца и матери, дороже цѣлаго міра? Нѣтъ, все это мелочи, все это пустая отговорки!..

Олеся съ тихой, покорной лаской прижалась плечомъ къ моему плечу.

— Голубчикъ... Лучше бы ты вовсе объ этомъ не начиналъ разговора... Ты молодой, свободный... Неужели у меня хватило бы духу связать тебя по рукамъ и по ногамъ на всю жизнь... Ну, а если тебѣ потомъ другая понравится? Вѣдь ты меня тогда возненавидишь, проклянешь тотъ день и часъ, когда я согласилась пойти за тебя. Не сердись, мой дорогой! — съ мольбой воскликнула она, видя но моему лицу, что мнѣ непріятны эти слова. — Я не хочу тебя обидѣть. Я вѣдь только о твоемъ счастьѣ думаю. Наконецъ ты позабылъ про бабушку. Ну, посуди самъ, развѣ хорошо будетъ съ моей стороны ее одну оставить?

— Что̀ жъ... и бабушкѣ у насъ мѣсто найдется. (Признаться, мысль о бабушкѣ меня сильно покоробила). А не захочетъ она у насъ жить, такъ во всякомъ городѣ

есть такіе дома... они называются богадѣльнями... где такимъ старушкамъ даютъ и покой и уходъ внимательный...

— Нѣтъ, что̀ ты! Она изъ лѣса никуда не пойдетъ. Она людей боится.

— Ну, такъ ты ужъ сама придумывай, Олеся, какъ лучше. Тебѣ придется выбирать между мной и бабушкой. Но только знай одно — что безъ тебя мнѣ и жизнь будетъ противна.

— Солнышко мое! — съ глубокой нежностью произнесла Олеся. — Ужъ за одни твои слова спасибо тебѣ... Отогрѣлъ ты мое сердце... Но все-таки замужъ я за тебя не пойду... Лучше ужъ я такъ пойду съ тобой, если не прогонишь... Только не спѣши, пожалуйста, не торопи меня. Дай мнѣ денька два, я все это хорошенько обдумаю... И съ бабушкой тоже нужно поговорить.

— Послушай, Олеся, — спросилъ я, осѣненный новой догадкой. — А можетъ-быть, ты опять... церкви боишься?

Пожалуй, что съ этого вопроса и надо было начать. Почти ежедневно спорилъ я съ Олесей, стараясь разубѣдить ее въ мнимомъ проклятіи, тягогѣюшемъ надъ ея родомъ, вмѣстѣ съ обладаніемъ чародѣйными силами. Въ сущности, въ каждомъ русскомъ интеллигентѣ сидитъ немножко развивателя. Это у насъ въ крови, это внѣдрено намъ всей русской беллетристикой послѣднихъ десятилѣтій. Почемъ знать? — если бы Олеся глубоко вѣровала, строго блюда посты и не пропускала ни одного церковнаго служенія, — весьма возможно, что тогда я сталъ бы иронизировать (но только слегка, ибо я всегда былъ вѣрующимъ человѣкомъ) надъ ея религіозностью и развивать въ ней критическую пытливость ума. Но она съ твердой и наивной убѣжденностью исповѣдывала свое общеніе съ темными силами и свое отчужденіе отъ Бога, о которомъ она даже боялась говорить.

Напрасно я покушался поколебать суевѣріе Олеси. Всѣ мои логическіе выводы, всѣ мои, иной разъ грубыя и злыя насмѣшки разбивались объ ея покорную увѣренность въ свое таинственное роковое призваніе.

— Ты боишься церкви, Олеся? — повторилъ я.

Она молча наклонила голову.

— Ты думаешь, что Богъ не приметъ тебя? — продолжалъ я съ возрастающей горячностью. — Что у Него но хватитъ для тебя милосердія? У Того, который, повелѣвая милліонами ангеловъ, сошелъ однако на землю и принялъ ужасную, позорную смерть для избавленія всѣхъ людей? У Того, кто не погнушался раскаяніемъ самой послѣдней женщины и обѣщалъ разбойнику-убійцѣ, что онъ сегодня же будетъ съ Нимъ въ раю?..

Все это было уже не ново Олесѣ въ моемъ толкованіи но на этотъ разъ она даже и слушать меня не стала. Она быстрымъ движеніемъ сбросила съ себя платокъ и, скомкавъ его, бросила мнѣ въ лицо. Началась возня. Я старался отнять у нея цвѣтокъ боярышника. Сопротивляясь, она упала на землю и увлекла меня за собою, радостно смѣясь и протягивая мнѣ свои, раскрытыя частымъ дыханіемъ, влажныя, милыя губы...

Поздно ночью, когда мы простились и уже разошлись на довольно большое разстояніе, я вдругъ услышалъ за собою голосъ Олеси:

— Ванечка! Подожди минутку... Я тебѣ что-то скажу!

Я повернулся и пошелъ къ ней навстрѣчу. Олеся поспѣшно подбѣжала ко мнѣ. На небѣ уже стоялъ тонкій серебряный зазубренный серпъ молодого мѣсяца, и при его блѣдномъ свѣтѣ я увидѣлъ, что глаза Олеси полны крупныхъ невылившихся слезъ.

— Олеся, о чемъ ты? — спросилъ я тревожно.

Она схватила мои руки и стала ихъ цѣловать

поочередно.

— Милый... какой ты хорошій! Какой ты добрый! — говорила она дрожащимъ голосомъ. — Я сейчасъ шла и подумала: какъ ты меня любишь!.. И знаешь, мнѣ ужасно хочется сдѣлать тебѣ что-нибудь очень, очень пріятное.

— Олеся... Дѣвочка моя славная, успокойся...

— Послушай, скажи мнѣ, — продолжала она: — ты бы очень былъ доволенъ, если бы я когда-нибудь пошла въ церковь? Только правду, истинную правду скажи.

Я задумался. У меня вдругъ мелькнула въ головѣ суевѣрная мысль: а не случится ли отъ этого какого-нибудь несчастья?

— Что̀ же ты молчишь? Ну, говори скорѣе, былъ бы ты этому радъ, или тебѣ все равно?

— Какъ тебѣ сказать, Олеся? — началъ я съ запинкой. — Ну, да, пожалуй, мнѣ это было бы пріятно. Я вѣдь много разъ говорилъ тебѣ, что мужчина можетъ не вѣрить, сомнѣваться, даже смѣяться наконецъ. Но женщина... женщина должна быть набожна безъ разсужденій. Въ той простой и нѣжной довѣрчивости, съ которой она отдаетъ себя подъ защиту Бога, я всегда чувствую что-то трогательное, женственное и прекрасное.

Я замолчалъ. Олеся тоже не отзывалась, притаившись головой около моей груди.

— А зачѣмъ ты меня объ этомъ спросила? — полюбопытствовалъ я.

Она вдругъ встрепенулась.

— Такъ себѣ... Просто спросила... Ты не обращай вниманія. Ну, до свиданія, милый. Приходи же завтра.

Она скрылась. Я еще долго глядѣлъ въ темноту, прислушиваясь къ частымъ, удалявшимся отъ меня

шагамъ. Вдругъ внезапный ужасъ предчувствія охватилъ меня. Мнѣ неудержимо захотѣлось побежать вслѣдъ за Олесей, догнать ее и просить, умолять, даже требовать, если нужно, чтобы она не шла въ церковь. Но я сдержалъ свой неожиданный порывъ и даже — помню — пускаясь въ дорогу, проговорилъ вслухъ:

— Кажется, вы сами, дорогой мой Ванечка, заразились суевѣріемъ.

О, Боже мой! Зачѣмъ я не послушался тогда смутнаго влеченія сердца, которое — я теперь безусловно вѣрю въ это! — никогда не ошибается въ своихъ быстрыхъ тайныхъ предчувствіяхъ.

XII.

На другой день послѣ этого свиданія пришелся какъ разъ праздникъ св. Троицы, выпавшій въ этомъ году на день великомученика Тимоѳея, когда, по народнымъ сказаніямъ, бываютъ знаменія передъ неурожаемъ. Село Перебродъ въ церковномъ отношеніи считалось приписнымъ, т.-е. въ немъ хотя и была своя церковь, но отдѣльнаго священника при ней не полагалось, а наѣзжалъ изрѣдка, постомъ и по большимъ праздникамъ, священникъ села Волчьяго.

Мнѣ въ этотъ день необходимо было съѣздить по служебнымъ дѣламъ въ сосѣднее мѣстечко, и я отправился туда часовъ въ восемь утра, еще по холодку, верхомъ. Для разъѣздовъ я давно уже купилъ себѣ небольшого жеребчика лѣтъ 6 — 7, происходившаго изъ мѣстной неказистой породы, но очень любовно и тщательно выхоленнаго прежнимъ владѣльцемъ, уѣзднымъ землемѣромъ. Лошадь звали Таранчикомъ. Я сильно привязался къ этому милому животному съ крѣпкими, тоненькими, точеными ножками, съ косматой чолкой, изъ-подъ которой сердито и недовѣрчиво

выглядывали огненные глазки, съ крѣпкими, энергично сжатыми губами. Масти онъ былъ довольно рѣдкой и смѣшной: весь сѣрый, мышастый, и только по крупу у него шли пестрыя, бѣлыя и черныя пятна.

Мнѣ пришлось проѣзжать черезъ все село. Большая зеленая площадь, идущая отъ церкви до кабака, была сплошь занята длинными рядами телѣгъ, въ которыхъ съ женами в дѣтьми пріѣхали на праздникъ крестьяне окрестныхъ деревень: Волоши, Зульни и Печаловки. Между телѣгами сновали люди. Несмотря на ранній часъ и строгія постановленія, между ними уже замѣчались пьяные (водкой по праздникамъ и въ ночное время торговалъ потихоньку бывшій шинкарь Сруль). Утро было безвѣтреное, душное. Въ воздухѣ парило, и день обѣщалъ быть нестерпимо жаркимъ. На раскаленномъ и точно подернутомъ серебристой пылью небѣ не показывалось ни одного облачка.

Справивъ все, что̀ мнѣ нужно было въ мѣстечкѣ, я перекусилъ на скорую руку въ заѣзжемъ домѣ фаршированной еврейской щукой, запилъ ее прескверным̀ъ, мутнымъ пивомъ и отправился домой. Но, проѣзжая мимо кузницы, я вспомнилъ, что у Таранчика давно уже хлябаетъ подкова на лѣвой передней, и остановился, чтобы перековать лошадь. Это заняло у меня еще часа полтора времени, такъ что, когда я подъѣзжалъ къ перебродской околицѣ, было уже между четырьмя и пятью часами пополудни.

Вся площадь кишмя-кишѣла пьянымъ, галдящимъ народомъ. Ограду и крыльцо кабака буквально запрудили, толкая и давя другъ друга, покупатели; перебродскіе крестьяне перемѣшались съ пріѣзжими, разсѣвшись на травѣ, въ тѣни повозокъ. Повсюду виднѣлись запрокинутыя назадъ головы и поднятыя вверхъ бутылки. Трезвыхъ уже не было ни одного человѣка. Общее опьянѣніе дошло до того

предѣла, когда мужикъ начинаетъ бурно и хвастливо преувеличивать свой хмель, когда всѣ движенія его пріобрѣтаютъ разслабленную и грузную размашистость, когда вмѣсто того, напримѣръ, чтобы утвердительно кивнуть головой, онъ осѣдаетъ внизъ всѣмъ туловищемъ, сгибаетъ колѣни и, вдругъ потерявъ устойчивость, безпомощно пятится назадъ. Ребятишки возились и визжали тутъ же, подъ ногами лошадей, равнодушно жевавшихъ сѣно. Въ иномъ мѣстѣ баба, сама еле держась на ногахъ, съ плачемъ и руганью тащила домой за рукавъ упиравшагося, безобразно пьянаго мужа... Въ тѣни забора густая кучка, человѣкъ въ двадцать мужиковъ и бабъ, тѣсно обсѣла слѣпого лирника, и его дрожащій, гнусавый теноръ, сопровождаемый звенящимъ монотоннымъ жужжаніемъ инструмента, рѣзко выдѣлялся изъ сплошного гула толпы. Еще издали услышалъ я знакомыя слова «думки»:

Ой зійшла зоря, тай вечирняя
Надъ Почаевымъ стала.
Ой вышло війско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Дальше, въ этой думкѣ рассказывается о томъ, какъ турки, не осиливъ Почаевской лавры приступомъ, порѣшили взять ее хитростью. Съ этой цѣлью они послали, какъ будто бы въ даръ монастырю, огромную свѣчу, начиненную порохомъ. Привезли эту свѣчу на двѣнадцати парахъ воловъ, и обрадованные монахи уже хотѣли возжечь ее передъ иконой Почаевской Божіей Матери, но Богъ не допустилъ совершиться злодѣйскому замыслу.

А приснилося старшему чтецу:
Той свичи не брати,
Вывезти еи въ чистое поле,

Сокирами зрубати.

И вотъ иноки

Вывезлы еи въ чистое поле,
Сталы еи рубати,
Кули и патроны на вси стороны
Сталы — геть! — роскидати...

Невыносимо жаркій воздухъ, казалось, весь былъ насыщенъ отвратительнымъ, смѣшаннымъ запахомъ перегорѣвшей водки, лука, овчинныхъ тулуповъ, крѣпкой махорки-бакуна и испареній грязныхъ человѣческихъ тѣлъ. Пробираясь осторожно между людьми и съ трудомъ удерживая мотавшаго головой Таранчика, я не могъ не замѣтить, что со всѣхъ сторонъ меня провожали безцеремонные, любопытные и враждебные взгляды. Противъ обыкновенія, ни одинъ человѣкъ не снялъ шапки, но шумъ какъ будто бы утихъ при моемъ появленіи. Вдругъ гдѣ-то въ самой серединѣ толпы раздался пьяный, хриплый выкрикъ, который я однако ясно не разслышалъ, но въ отвѣтъ на него раздался сдержанный хохотъ. Какой-то женскій голосъ сталъ испуганно урезонивать горлана:

— Тише, ты, дурень... Чего орешь! Услышитъ...

— А что̀ мнѣ, что услышитъ? — продолжалъ задорно мужикъ. — Что̀ же онъ мнѣ, начальство, что ли? Онъ только въ лѣсу у своей.....
.....

Омерзительная, длинная, ужасная фраза повисла въ воздухѣ вмѣстѣ со взрывомъ неистоваго хохота. Я быстро повернулъ назадъ лошадь и судорожно сжалъ рукоятку нагайки, охваченный той безумной яростью, которая ничего не видитъ, ни о чемъ не думаетъ и ничего не боится. И вдругъ странная, болѣзненная, тоскливая мысль промелькнула у меня въ головѣ: «Все

это уже происходило когда-то, много, много лѣтъ тому назадъ въ моей жизни... Такъ же горячо палило солнце... Такъ же была залита шумящимъ, возбужденнымъ народомъ огромная площадь... Такъ же обернулся я назадъ въ припадкѣ бѣшенаго гнѣва... Но гдѣ это было? Когда? Когда?..» Я опустилъ нагайку и галопомъ поскакалъ къ дому.

Ярмола, медленно вышедшій изъ кухни, принялъ у меня лошадь и сказалъ грубо:

— Тамъ, панычъ, у васъ въ комнатѣ сидитъ изъ Мариновской экономіи приказчикъ.

Мнѣ почудилось, что онъ хочетъ еще что-то прибавить, очень важное для меня и непріятное, мнѣ показалось даже, что по лицу его скользнуло бѣглое выраженіе злой насмѣшки. Я нарочно задержался въ дверяхъ и съ вызовомъ оглянулся на Ярмолу. Но онъ уже, не глядя на меня, тащилъ за узду лошадь, которая вытягивала впередъ шею и осторожно переступала ногами.

Въ моей комнатѣ я засталъ конторщика сосѣдняго имѣнія — Никиту Назарыча Мищенку. Онъ былъ въ сѣромъ пиджачкѣ съ огромными рыжими клѣтками, въ узкихъ брючкахъ васильковаго цвѣта и въ огненно-красномъ галстукѣ, съ припомаженнымъ проборомъ по серединѣ головы, весь благоухающій персидской сиренью. Увидѣвъ меня, онъ вскочилъ со стула и принялся расшаркиваться, не кланяясь, а какъ-то ломаясь въ поясницѣ, съ улыбкой, обнажавшей блѣдныя десны обѣихъ челюстей.

— Имѣю честь кланяться, — любезно тараторилъ Никита Назарычъ. — Очень пріятно увидѣться... А я ужъ тутъ жду васъ съ самой обѣдни. Давно я васъ видѣлъ, даже соскучился за вами. Что̀ это вы къ намъ никогда не заглянете? Наши степаньскія барышни даже смѣются съ васъ.

И вдругъ, подхваченный внезапнымъ воспоминаніемъ, онъ разразился неудержимымъ хохотомъ.

— Вотъ, я вамъ скажу, потѣха-то была сегодня! — воскликнулъ онъ, давясь и прыская. — Ха-ха-ха-ха... Я даже боки рвалъ со смѣху!..

— Что̀ такое? Что̀ за потѣха? — грубо спросилъ я, не скрывая своего неудовольствія.

— Послѣ обѣдни скандалъ здѣсь произошелъ, — продолжалъ Никита Назарычъ, прерывая свою рѣчь залпами хохота. — Перебродскія дивчата... Нѣтъ, ей-Богу, не выдержу... Перебродскія дивчата поймали здѣсь на площади вѣдьму... То-есть, конечно, онѣ ее вѣдьмой считаютъ по своей мужицкой необразованности... Ну, и задали же онѣ ей встряску!.. Хотѣли дегтемъ вымазать, да она вывернулась какъ-то, утекла...

Страшная догадка блеснула у меня въ умѣ. Я бросился къ конторщику и, не помня себя отъ волненія, крѣпко вцѣпился рукой въ его плечо.

— Что̀ вы говорите! — закричалъ я неистовымъ голосомъ. — Да перестаньте же ржать, чортъ васъ подери! Про какую вѣдьму вы говорите?

Онъ вдругъ сразу пересталъ смѣяться и выпучилъ на меня круглые, испуганные глаза.

— Я... я... право, не знаю-съ, — растерянно залепеталъ онъ. — Кажется, какая-то Самуйлиха... Мануйлиха... или... Позвольте... Дочка какой-то Мануйлихи?.. Тутъ что-то такое болтали мужики, но я, признаться, запомнилъ [2].

Я заставилъ его разсказать мнѣ по порядку все, что̀ онъ видѣлъ и слышалъ. Онъ говорилъ нелѣпо, несвязно, путаясь въ подробностяхъ, и я каждую минуту

---

[2] Вѣроятно, здѣсь опечатка. Въ другихъ изданіяхъ — «не запомнилъ». — *Примѣчаніе издателя.*

перебивалъ его нетерпѣливыми разспросами и восклицаніями. почти бранью. Изъ его разсказа я понялъ очень мало и только мѣсяца два спустя возстановилъ всю послѣдовательность этого проклятаго событія со словъ его очевидицы, жены казеннаго лѣсничаго, которая въ тотъ день также была у обѣдни.

Мое предчувствіе не обмануло меня. Олеся переломила свою боязнь и пришла въ церковь; хотя она поспѣла только къ серединѣ службы и стала въ церковныхъ сѣняхъ, но ея приходъ былъ тотчасъ же зачѣченъ всѣми находившимися въ церкви крестьянами. Всю службу женщины перешептывались и оглядывались назадъ.

Однако Олеся нашла въ себѣ достаточно силы, чтобы достоять до конца обѣдню. Можетъ-быть, она не поняла настоящаго значенія этихъ враждебныхъ взглядовъ, можетъ-быть, изъ гордости пренебрегла ими. Но когда она вышла изъ церкви, то у самой ограды ее со всѣхъ сторонъ обступила кучка бабъ, становившаяся съ каждой минутой все больше и больше и все тѣснѣе сдвигавшаяся вокругъ Олеси. Сначала онѣ только молча и безцеремонно разглядывали безпомощную, пугливо озиравшуюся по сторонамъ дѣвушку. Потомъ посыпались грубыя насмѣшки, крѣпкія слова, ругательства, сопровождаемыя хохотомъ, потомъ отдѣльныя восклицанія слились въ общій пронзительный бабій гвалтъ, въ которомъ ничего нельзя было разобрать и который еще больше взвинчивалъ нервы расходившейся толпы. Нѣсколько разъ Олеся пыталась пройти сквозь это живое ужасное кольцо, но ее постоянно отталкивали опять на середину. Вдругъ визгливый старушечій голосъ заоралъ откуда-то позади толпы: «Дегтемъ ее вымазать, стерву!» (Извѣстно, что въ Малороссіи мазанье дегтемъ даже воротъ того дома, гдѣ живетъ дѣвушка, сопряжено для нея съ величайшимъ,

Дробязинъ Е.М. Въ церковныхъ сѣняхъ

несмываемымъ позоромъ). Почти въ ту же минуту надъ головами бѣснующихся бабъ появилась мазница съ дегтемъ и кистью, передаваемая изъ рукъ въ руки.

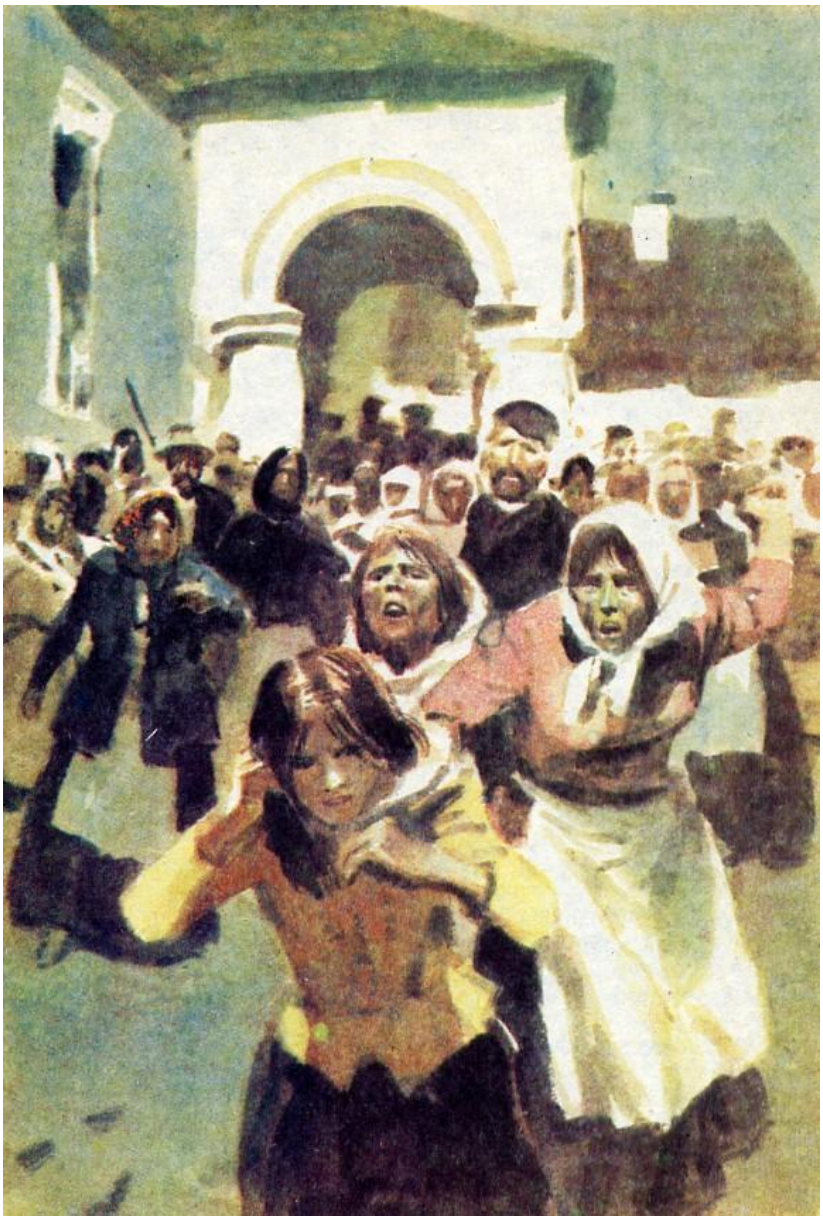
Тогда Олеся, въ припадкѣ злобы, ужаса и

отчаянія, бросилась на первую попавшуюся изъ своихъ мучительницъ такъ стремительно, что сбила ее съ ногъ. Тотчасъ же на землѣ закипѣла свалка, и десятки тѣлъ смѣшались въ одну общую кричащую массу. Но Олесѣ прямо какимъ-то чудомъ удалось выскользнуть изъ этого клубка, и она опрометью побѣжала по дорогѣ — безъ платка, съ растерзанной въ лохмотья одеждой, изъ-подъ которой во многихъ мѣстахъ было видно голое тѣло. Вслѣдъ ей, вмѣстѣ съ бранью, хохотомъ и улюлюканьемъ, полетѣли камни. Однако погнались за ней только немногія, да и тѣ сейчасъ же отстали... Отбѣжавъ шаговъ на пятьдесятъ, Олеся остановилась, повернула къ озвѣрѣвшей толпѣ свое блѣдное, исцарапанное, окровавленное лицо и крикнула такъ громко, что каждое ея слово было слышно на площади:

— Хорошо же!.. Вы еще у меня вспомните это! Вы еще всѣ наплачетесь досыта!

Эта угроза, какъ мнѣ потомъ передавала та же очевидица событія, была произнесена съ такой страстной ненавистью, такимъ рѣшительнымъ, пророческимъ тономъ, что на мгновеніе вся толпа какъ будто бы оцѣпенѣла, но только на мгновеніе, потому что тотчасъ же раздался новый взрывъ брани.

Повторяю, что многія подробности этого происшествія я узналъ гораздо позднѣе. У меня не хватило силъ и терпѣнія дослушать до конца разсказъ Мищенки. Я вдругъ вспомнилъ, что Ярмола, навѣрно, не успѣлъ еще разсѣдлать лошадь, и, не сказавъ изумленному конторщику ни слова, поспѣшно вышелъ на дворъ. Ярмола, дѣйствительно, еще водилъ Таранчика вдоль забора. Я быстро взнуздалъ лошадь, затянулъ подпруги и объѣздомъ, чтобы опять не пробираться сквозь пьяную толпу, поскакалъ въ лѣсъ.



Пинкисевичъ П.Н.

XIII.

Невозможно описать того состоянія, въ которомъ я находился въ продолженіе моей бѣшеной скачки. Минутами я совсѣмъ забывалъ, куда и зачѣмъ ѣду; оставалось только смутное сознаніе, что совершилось что-то непоправимое, нелѣпое и ужасное, — сознаніе, похожее на тяжелую безпричинную тревогу, овладѣвающую иногда въ лихорадочномъ кошмарѣ человѣкомъ. И въ то же время — какъ это странно! — у меня въ головѣ не переставалъ дрожать, въ тактъ съ лошадинымъ топотомъ, гнусавый, разбитый голосъ слѣпого лирника:

Ой вышло війско турецкое,
Якъ та черная хмара...

Добравшись до узкой тропинки, ведшей прямо къ хатѣ Мануйлихи, я слѣзъ съ Таранчика, на которомъ по краямъ потника и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ его кожа соприкасалась со сбруей, бѣлыми комьями выступила густая пѣна, и повелъ его въ поводу. Отъ сильнаго дневного жара и отъ быстрой ѣзды кровь шумѣла у меня въ головѣ, точно нагнетаемая какимъ-то огромнымъ, безостановочнымъ насосомъ.

Привязавъ лошадь къ плетню, я вошелъ въ хату. Сначала мнѣ показалось, что Олеси нѣтъ дома, и у меня даже въ груди и во рту похолодѣло отъ страха, но спустя минуту я ее увидѣлъ, лежащую на постели, лицомъ къ стѣнѣ, съ головой, спрятанной въ подушки. Она даже не обернулась на шумъ отворяемой двери.

Мануйлиха, сидѣвшая тутъ же, рядомъ, на землѣ, съ трудомъ поднялась на ноги и замахала на меня руками.

— Тише! Не шуми ты, окаянный, — съ угрозой

зашептала она, подходя ко мнѣ вплотную. И, взглянувъ мнѣ прямо въ глаза своими выцвѣтшими, холодными глазами, она прошипѣла злобно:

— Чтò? Доигрался, голубчикъ?

— Послушай, бабка, — возразилъ я сурово: — теперь не время считаться и выговаривать. Чтò съ Олесей?

— Тсс... тише! Безъ памяти лежитъ Олеся, вотъ чтò съ Олесей... Кабы ты не лѣзъ, куда тебѣ не слѣдуетъ, да не болталъ бы чепухи дѣвчонкѣ, ничего бы худого не случилось. И я-то, дура пѣтая, смотрѣла, потворствовала... А вѣдь чуяло мое сердце бѣду... Чуяло оно недоброе съ того самаго дня, когда ты чуть не силою къ намъ въ хату ворвался. Чтò? Скажешь, это не ты ее подбилъ въ церковь потащиться? — вдругъ съ искривленнымъ отъ ненависти лицомъ накинулась на меня старуха. — Не ты, барчукъ проклятый? Да не лги — и не верти лисьимъ хвостомъ-то, срамникъ! Зачѣмъ тебѣ понадобилось ее въ церковь манить?

— Не манилъ я ея, бабка... Даю тебѣ слово въ этомъ. Сама она захотѣла.

— Ахъ, ты, горе, горе мое! — всплеснула руками Мануйлиха. — Прибѣжала оттуда — лица на ней нѣтъ, вся рубаха въ шматки растерзана... Простоволосая... Разсказываетъ, какъ чтò было, а сама — то хохочетъ, то плачетъ... Ну, прямо, вотъ, какъ кликуша какая... Легла въ постель... все плакала, а потомъ, гляжу, какъ будто бы и задремала. Я-то, дура старая, обрадовалась-было: вотъ, думаю, все сномъ пройдетъ, перекинется. Гляжу, рука у нея внизъ свѣсилась, думаю: надо поправить, затекетъ рука-то... Тронула я ее, голубушку, за руку, а она вся такъ жаромъ и пышетъ... Значитъ, огневица съ ней началась... Съ часъ безъ умолку говорила, быстро да жалостно такъ... Вотъ только-только замолчала на минуточку. Чтò ты надѣлалъ? Чтò ты надѣлалъ съ ней?

— съ новымъ наплывомъ отчаянія воскликнула старуха.

И вдругъ ея коричневое лицо собралось въ чудовищную, отвратительную гримасу плача: губы растянулись и опустились по угламъ внизъ, всѣ личные мускулы напряглись и задрожали, брови поднялись кверху, наморщивъ лобъ глубокими складками, а изъ глазъ необычайно часто посыпались крупныя, какъ горошины, слезы. Обхвативъ руками голову и положивъ локти на столъ, она принялась качаться взадъ и впередъ всѣмъ тѣломъ и завыла нараспѣвъ вполголоса:

— Дочечка моя-а-а! Внучечка миленькая-а-а!... Охъ, г-о-о-орько мнѣ, то-о-ошно!..

— Да не реви ты, старая, — грубо прервалъ я Мануйлиху. — Разбудишь!

Старуха замолчала, но все съ той же страшной гримасой на лицѣ продолжала качаться взадъ и впередъ, между тѣмъ какъ крупныя слезы падали на столъ... Такъ прошло минутъ съ десять. Я сидѣлъ рядомъ съ Мануйлихой и съ тоской слушалъ, какъ, однообразно и прерывисто жужжа, бьется объ оконное стекло муха.

— Бабушка! — раздался вдругъ слабый, чуть слышный голосъ Олеси. — Бабушка, кто у насъ?

Мануйлиха поспѣшно заковыляла къ кровати и тотчасъ же опять завыла:

— Охъ, внучечка моя, ро-одная-а-а! Охъ, горько мнѣ ста-а-арой, тошно мнѣ-ѣ-ѣ-ѣ...

— Ахъ, бабушка, да перестань ты! — съ жалобной мольбой и страданіемъ въ голосѣ сказала Олеся. — Кто у насъ въ хатѣ сидитъ?

Я осторожно, на цыпочкахъ, подошелъ къ кровати съ тѣмъ неловкимъ, виноватымъ сознаніемъ своего здоровья и своей грубости, какое всегда ощущаешь около больного.

— Это я, Олеся, — сказалъ я, понижая голосъ. — Я только-что пріѣхалъ верхомъ изъ деревни... А все

утро я въ городѣ былъ... Тебѣ нехорошо, Олеся?

Она, не отнимая лица отъ подушекъ, протянула назадъ обнаженную руку, точно ища чего-то въ воздухѣ. Я понялъ это движеніе и взялъ ея горячую руку въ свои руки. Два огромныхъ синихъ пятна — одно надъ кистью, а другое повыше локтя — рѣзко выдѣлялись на бѣлой, нѣжной кожѣ.

— Голубчикъ мой, — заговорила Олеся, медленно, съ трудомъ отдѣляя одно слово отъ другого. — Хочется мнѣ... на тебя посмотрѣть... да не могу я... Всю меня... изуродовали... Помнишь... тебѣ... мое лицо такъ нравилось?.. Правда, вѣдь нравилось, родной?.. И я такъ этому всегда радовалась... А теперь тебѣ противно будетъ... смотрѣть на меня... Ну, вотъ... я... и не хочу...

— Олеся, прости меня, — шепнулъ я, наклоняясь къ самому ея уху.

Ея пылающая рука крѣпко и долго сжимала мою.

— Да что̀ ты!.. Что̀ ты, милый?.. Какъ тебѣ не стыдно и думать объ этомъ? Чѣмъ же ты виноватъ здѣсь? Все я одна, глупая... Ну, чего я полѣзла... въ самомъ дѣлѣ? Нѣтъ, солнышко, ты себя не виновать...

— Олеся, позволь мнѣ... Только обѣщай сначала, что позволишь...

— Обѣщаю, голубчикъ... все, что̀ ты хочешь...

— Позволь мнѣ, пожалуйста, послать за докторомъ... Прошу тебя! Ну, если хочешь, ты можешь ничего не исполнять изъ того, что̀ онъ прикажетъ. Но ты хоть для меня согласись, Олеся.

— Охъ, милый... Въ какую ты меня ловушку поймалъ! Нѣтъ, ужъ лучше ты позволь мнѣ своего обѣщанія не держать. Я, если бы и въ самомъ дѣлѣ была больна, при смерти бы лежала, такъ и то къ себѣ доктора не подпустила бы. А теперь я развѣ больна? Это просто у меня отъ испугу такъ сдѣлалось, это пройдетъ къ вечеру. А нѣтъ — такъ бабушка мнѣ ландышевой

настойки дастъ или малины въ чайникѣ заваритъ. Зачѣмъ же тутъ докторъ? Ты — мой докторъ самый лучшій. Вотъ ты пришелъ, и мнѣ сразу легче сдѣлалось... Ахъ, одно мнѣ только нехорошо: хочу поглядеть на тебя хоть однимъ глазкомъ, да боюсь...

Я съ нѣжнымъ усиліемъ отнялъ ея голову отъ подушки. Лицо Олеси пылало лихорадочнымъ румянцемъ, темные глаза блестѣли неестественно ярко, сухія губы нервно вздрагивали. Длинныя красныя ссадины изборождали ея лобъ, щеки и шею. Темные синяки были на лбу и подъ глазами.

— Не смотри на меня... Прошу тебя... Гадкая я теперь, — умоляюще шептала Олеся, стараясь своею ладонью закрыть мнѣ глаза.

Сердце мое переполнилось жалостью. Я приникъ губами къ Олесиной рукѣ, неподвижно лежавшей на одѣялѣ, и сталъ покрывать ее долгими, тихими поцѣлуями. Я и раньше цѣловалъ иногда ея руки, но она всегда отнимала ихъ у меня съ торопливымъ, застѣнчивымъ испугомъ. Теперь же она не противилась этой ласкѣ и другой, свободной рукой тихо гладила меня по волосамъ.

— Ты все знаешь? — шопотомъ спросила она.

Я молча наклонилъ голову. Правда, я не все понялъ изъ разсказа Никиты Назарыча. Мнѣ не хотѣлось только, чтобы Олеся волновалась, вспоминая объ утреннемъ происшествіи. Но вдругъ при мысли объ оскорбленіи, которому она подверглась, на меня сразу нахлынула волна неудержимой ярости.

— О! Зачѣмъ меня тамъ не было въ это время! — вскричалъ я, выпрямившись и сжимая кулаки.— Я бы... я бы...

— Ну, полно... полно... Не сердись, голубчикъ, — кротко прервала меня Олеся.

Я не могъ болѣе удерживать слезъ, давно

давившихъ мнѣ горло и жегшихъ глаза. Припавъ лицомъ къ плечу Олеси, я беззвучно и горько зарыдалъ, сотрясаясь всѣмъ тѣломъ.

— Ты плачешь? Ты плачешь? — Въ голосѣ ея зазвучали удивленіе, нѣжность и состраданіе. — Милый мой... Да перестань же, перестань... Не мучь себя, голубчикъ... Вѣдь мнѣ такъ хорошо возлѣ тебя. Не будемъ же плакать, пока мы вмѣстѣ. Давай хоть послѣдніе дни проведемъ весело, чтобы намъ не такъ тяжело было разставаться.

Я съ изумленіемъ поднялъ голову. Неясное предчувствіе вдругъ медленно сжало мое сердце.

— Послѣдніе дни, Олеся? Почему — послѣдніе? Зачѣмъ же намъ разставаться?

Олеся закрыла глаза и нѣсколько секундъ молчала.

— Надо намъ проститься съ тобой, Ванечка, — заговорила она рѣшительно. — Вотъ какъ только чуть-чуть поправлюсь, сейчасъ же мы съ бабушкой и уѣдемъ отсюда. Нельзя намъ здѣсь оставаться больше...

— Ты боишься чего-нибудь?

— Нѣтъ, мой дорогой, ничего я не боюсь, если понадобится. Только зачѣмъ же людей въ грѣхъ вводить? Ты, можетъ-быть, не знаешь... Вѣдь я тамъ... въ Перебродѣ... погрозилась со зла да со стыда... А теперь чуть что̀ случится, сейчасъ на насъ скажутъ: скотъ ли начнетъ падать, или хата у кого загорится, — все мы будемъ виноваты. Бабушка, — обратилась она къ Мануйлихѣ, возвышая голосъ: — правду вѣдь я говорю?

— Чего ты говорила-то, внучечка? Не разслышала я, признаться! — прошамкала старуха, подходя поближе и приставляя къ уху ладонь.

— Я говорю, что теперь, какая бы бѣда въ Перебродѣ ни случилась, все на насъ съ тобой свалятъ.

— Охъ, правда, правда, Олеся, — все на насъ,

горемычныхъ, свалятъ... Не жить намъ на бѣломъ свѣтѣ, изведутъ насъ съ тобой, совсѣмъ изведутъ, проклятики... А тогда, какъ меня изъ села выгнали... Что̀ жъ?.. Развѣ не такъ же было? Погрозилась я... тоже, вотъ, съ досады... одной дурищѣ полосатой, а у нея — хвать — ребенокъ померъ. То-есть ни сномъ ни духомъ тутъ моей вины не было, а вѣдь меня чуть не убили, окаянные... Камнями стали шибать... Я бѣгу отъ нихъ, да только тебя, малолѣтку, все оберегаю... Ну, думаю, пусть ужъ мнѣ попадетъ, а за что же дитю-то неповинную обижать?.. Одно слово — варвары, висѣльники поганые!

— Да куда же вы поѣдете? У васъ вѣдь нигдѣ ни родныхъ, ни знакомыхъ нѣтъ... Наконецъ, и деньги нужны, чтобы на новомъ мѣстѣ устроиться.

— Обойдемся какъ-нибудь, — небрежно проговорила Олеся. — И деньги у бабушки найдутся, припасла она кое-что.

— Ну ужъ и деньги тоже! — съ неудовольствіемъ возразила старуха, отходя отъ кровати. — Копеечки сиротскія, слезами облитыя...

— Олеся... А я какъ же? Обо мнѣ ты и думать даже не хочешь! — воскликнулъ я, чувствуя, какъ во мнѣ подымается горькій, больной, недобрый упрекъ противъ Олеси.

Она привстала и, не стѣсняясь присутствіемъ бабки, взяла руками мою голову и нѣсколько разъ подъ рядъ поцѣловала меня въ лобъ и щеки.

— Объ тебѣ я больше всего думаю, мой родной. Только... видишь ли... не судьба намъ вмѣстѣ быть... вотъ что̀!.. Помнишь, я на тебя карты бросала? Вѣдь все такъ и вышло, какъ онѣ сказали тогда. Значитъ, не хочетъ судьба нашего съ тобой счастья... А если бы не это, развѣ, ты думаешь, я чего-нибудь испугалась бы?

— Олеся, опять ты про свою судьбу? — воскликнулъ я нетерпѣливо. — Не хочу я въ нее

вѣрить... и не буду никогда вѣрить!..

— Охъ, нѣтъ, нѣтъ... не говори этого, — испуганно зашептала Олеся. — Я не за себя, за тебя боюсь, голубчикъ.

— Нѣтъ, лучше ты ужъ объ этомъ и разговора не начинай совсѣмъ.

Напрасно я старался разубѣдитъ Олесю, напрасно рисовалъ передъ ней картины безмятежнаго счастья, которому не помѣшаютъ ни завистливая судьба, ни грубые, злые люди. Олеся только цѣловала мои руки и отрицательно качала головой.

— Нѣтъ... нѣтъ... нѣтъ... я знаю, я вижу, — твердила она настойчиво. — Ничего намъ, кромѣ горя, не будетъ... ничего... ничего...

Растерянный, обитый съ толку этимъ суевѣрнымъ упорствомъ, я наконецъ спросилъ:

— Но вѣдь во всякомъ случаѣ ты дашь мнѣ знать о днѣ отъѣзда?

Олеся задумалась. Вдругъ слабая улыбка пробѣжала по ея губамъ.

— Я тебѣ на это скажу маленькую сказочку... Однажды волкъ бѣжалъ по лѣсу, увидѣлъ зайчика и говоритъ ему: «Заяцъ, а заяцъ, вѣдь я тебя съѣмъ!» Заяцъ сталъ проситься: «Помилуй меня, волкъ, мнѣ еще жить хочется, у меня дома дѣтки маленькія». Волкъ не соглашается. Тогда заяцъ говоритъ: «Ну дай мнѣ хоть три дня еще на свѣтѣ пожить, а потомъ и съѣшь. Все же мнѣ легче умирать будетъ». Далъ ему волкъ эти три дня, не ѣстъ его, а только все стережетъ. Прошелъ одинъ день, прошелъ другой, наконецъ и третій кончается. — «Ну, теперь готовься, — говоритъ волкъ: — сейчасъ я начну тебя ѣсть». Тутъ мой заяцъ и заплакалъ горючими слезами. «Ахъ, зачѣмъ ты мнѣ, волкъ, эти три дня подарилъ! Лучше бы ты сразу меня съѣлъ, какъ только увидѣлъ. А то я всѣ три дня не жилъ, а только

терзался!» Милый мой, вѣдь зайчикъ-то этотъ правду сказалъ. Какъ ты думаешь?

Я молчалъ, охваченный тоскливымъ предчувствіемъ близкаго одиночества. Олеся вдругъ поднялась и присѣла на постели. Лицо ея стало сразу серьезнымъ.

— Ваня, послушай... — произнесла она съ разстановкой, — Скажи мнѣ: покамѣстъ ты былъ со мною, былъ ли ты счастливь? Хорошо ли тебѣ было?

— Олеся! И ты еще спрашиваешь!

— Подожди... Жалѣлъ ли ты, что узналъ меня? Думалъ ли ты о другой женщинѣ, когда видѣлся со мною?

— Ни одного мгновенія! Не только въ твоемъ присутствіи, но, даже и оставшись одинъ, я ни о комъ, кромѣ тебя, не думалъ.

— Ревновалъ ли ты меня? Былъ ли ты когда-нибудь на меня недоволенъ? Не скучалъ ли ты со мною?

— Никогда, Олеся! Никогда!

Она положила обѣ руки мнѣ на плечи и съ невыразимой любовью поглядѣла въ мои глаза.

— Такъ и знай же, мой дорогой, что никогда ты обо мнѣ не вспомнишь дурно или со зломъ, — сказала она такъ убѣдительно, точно читала у меня въ глазахъ будущее. — Какъ разстанемся мы съ тобой, тяжело тебѣ въ первое время будетъ, охъ, какъ тяжело... Плакать будешь, мѣста себѣ не найдешь нигдѣ. А потомъ все пройдетъ, все изгладится. И ужъ безъ горя ты будешь обо мнѣ думать, а легко и радостно.

Она опять откинулась головой на подушки и прошептала ослабѣвшимъ голосомъ:

— А теперь поѣзжай, мой дорогой... Поѣзжай домой, голубчикъ... Устала я немножко. Подожди... поцѣлуй меня... Ты бабушки не бойся... она позволитъ. Позволишь вѣдь, бабушка?

— Да ужъ простись, простись, какъ слѣдуетъ, — недовольно проворчала старуха. — Чего же передо мной таиться-то?.. Давно знаю...

— Поцѣлуй меня сюда, и сюда еще... и сюда, — говорила Олеся, притрогиваясь пальцемъ къ своимъ глазамъ, щекамъ и рту.

— Олеся! Ты прощаешься со мною такъ, какъ будто бы мы уже не увидимся больше! — воскликнулъ я съ испугомъ.

— Не знаю, не знаю, мой милый. Ничего не знаю. Ну, поѣзжай съ Богомъ. Нѣтъ, постой... еще минуточку... Наклони ко мнѣ ухо... Знаешь, о чемъ я жалею? — зашептала она, прикасаясь губами къ моей щекѣ. — О томъ. что у меня нѣтъ отъ тебя ребеночка. Ахъ, какъ я была бы рада этому!

Я вышелъ на крыльцо въ сопровожденіи Мануйлихи. Полнеба закрыла черная туча съ рѣзкими курчавыми краями, но солнце еще свѣтило, склоняясь къ западу, и въ этомъ смѣшеніи свѣта и надвигающейся тьмы было что-то зловѣщее. Старуха посмотрѣла вверхъ, прикрывъ глаза, какъ зонтикомъ, ладонью, и значительно покачала головой.

— Быть сегодня надъ Перебродомъ грозѣ. — сказала она убѣдительнымъ тономъ. — А чего добраго, даже и съ градомъ.

XIV.

Я подъѣзжалъ уже къ Переброду, когда внезапный вихрь закрутилъ и погналъ по дорогѣ столбы пыли. Упали первыя — рѣдкія и тяжелыя — капли дождя.

Мануйлиха не ошиблась. Гроза, медленно накоплявшаяся за весь этотъ жаркій, нестерпимо-душный день, разразилась съ необыкновенной силой

надъ Перебродомъ. Молнія блистала почти безпрерывно, и отъ раскатовъ грома дрожали и звенѣли стекла въ окнахъ моей комнаты. Часовъ около восьми вечера гроза утихла на нѣсколько минутъ, но только для того, чтобы потомъ начаться съ новымъ ожесточеніемъ. Вдругъ что-то съ оглушительнымъ трескомъ посыпалось на крышу и на стѣны стараго дома. Я бросился къ окну. Огромный градъ, съ грецкій орѣхъ величиной, стремительно падалъ на землю, высоко подпрыгивая потомъ кверху. Я взглянулъ на тутовое дерево, росшее около самаго дома, оно стояло совершенно голое: всѣ листья были сбиты съ него страшными ударами града... Подъ окномъ показалась еле замѣтная въ темнотѣ фигура Ярмолы, который, накрывшись съ головой свиткой, выбѣжалъ изъ кухни, чтобы притворить ставни. Но онъ опоздалъ. Въ одно изъ стеколъ вдругъ съ такой силой ударилъ громадный кусокъ льду, что оно разбилось, и осколки его со звономъ разлетѣлись по полу комнаты.

Я почувствовалъ себя утомленнымъ и прилегъ, не раздѣваясь, на кровать. Я думалъ, что мнѣ вовсе не удастся заснуть въ эту ночь, и что я до утра буду въ безсильной тоскѣ ворочаться съ боку на бокъ, поэтому я рѣшилъ лучше не снимать платья, чтобы потомъ хоть немного утомить себя однообразной ходьбой по комнатѣ. Но со мной случилась очень странная вещь: мнѣ показалось, что я только на минутку закрылъ глаза; когда же я раскрылъ ихъ, то сквозь щели ставень уже тянулись длинные яркіе лучи солнца, въ которыхъ кружились безчисленныя золотыя пылинки.

Надъ моей кроватью стоялъ Ярмола. Его лицо выражало суровую тревогу и нетерпѣливое ожиданіе: должно-быть, онъ уже давно дожидался здѣсь моего пробужденія.

— Панычъ, — сказалъ онъ своимъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышалось безпокойство. —

Панычъ, треба вамъ отсюда уѣзжать...

Я свѣсилъ ноги съ кровати и съ изумленіемъ поглядѣлъ на Ярмолу.

— Уѣзжать? Куда уѣзжать? Зачѣмъ? Ты, вѣрно, съ ума сошелъ?

— Ничего я съ ума не сходилъ, — огрызнулся Ярмола. Вы не чули, что̀ вчерашній градъ наробилъ? У половины села жито какъ ногами потоптано. У кривого Максима, у Козла, у Мута, у Прокопчуковъ, у Гордія Олефира... Наслала-таки шкоду вѣдьмака чортова... чтобъ ей сгинуть!

Мнѣ вдругъ, въ одно мгновеніе, вспомнился весь вчерашній день, угроза, произнесенная около церкви Олесей, и ея опасенія.

— Теперь вся громада бунтуется, — продолжалъ Ярмола. — Съ утра всѣ опять перепились и орутъ... И про васъ, панычу, кричатъ недоброе... А вы знаете, яка у насъ громада?.. Если они вѣдьмакамъ що зробятъ, то такъ и треба, то справедливое дѣло, а вамъ, панычу, я скажу одно — утекайте скорѣйше.

Итакъ, опасенія Олеси оправдались. Нужно было немедленно предупредить ее о грозившей ей и Мануйлихѣ бѣдѣ. Я торопливо одѣлся, на-ходу сполоснулъ водою лицо и черезъ полчаса уже ѣхалъ крупной рысью по направленію Бисова Кута.

Чѣмъ ближе подвигался я къ избушкѣ на курьихъ ножкахъ, тѣмъ сильнѣе возрастало во мнѣ неопредѣленное, тоскливое безпокойство. Я съ увѣренностью говорилъ самому себѣ, что сейчасъ меня постигнетъ какое-то новое, неожиданное горе.

Почти бѣгомъ пробѣжалъ я узкую тропинку, вившуюся по песчаному пригорку. Окна хаты были открыты, дверь растворена настежь.

— Господи! Что̀ же такое случилось? — прошепталъ я, входя съ замираніемъ сердца въ сѣни.

Хата была пуста. Въ ней господствовалъ тотъ печальный, грязный безпорядокъ, который всегда остается послѣ поспѣшнаго выѣзда. Кучи сора и тряпокъ лежали на полу, да въ углу стоялъ деревянный остовъ кровати...

Съ стѣсненнымъ, переполненнымъ слезами сердцемъ я хотѣлъ уже выйти изъ хаты, какъ вдругъ мое вниманіе привлекъ яркій предметъ, очевидно, нарочно повѣшенный на уголъ оконной рамы. Это была нитка дешевыхъ красныхъ бусъ, извѣстныхъ въ Полѣсьѣ подъ названіемъ «коралловъ», — единственная вещь, которая осталась мнѣ на память объ Олесѣ и объ ея нѣжной, великодушной любви.

———

ОТЪ ИЗДАТЕЛЯ.

Изданіе данной книги осуществляется при поддержкѣ Благотворительнаго фонда возстановленія церкви Святой Живоначальной Троицы съ часовней въ Язвищахъ (https://xram-v-yazvichax.ru), занимающагося реставраціей храма, расположеннаго въ селѣ Язвищи Боровенковскаго сельскаго поселенія Окуловскаго района Новгородской области.

Данный топонимъ образованъ отъ слова «язвина», однимъ изъ значеній котораго въ старославянскомъ языкѣ является слово «нора». Недалеко отъ села протекаетъ рѣка Язовка, изрытая лисьими норами, давшая ему наименованіе.

Одно изъ первыхъ упоминаній о селѣ можно встрѣтить въ Переписной оброчной книгѣ Деревской пятины отъ 1495 года. Уже тогда тамъ проживали десятки человѣкъ.

Шли вѣка… Смѣнялись поколѣнія… Въ началѣ XX вѣка въ Язвищахъ проживали около 40 человѣкъ, что, можетъ быть, и немного, т. к. это была церковная земля, зато въ близлежащихъ деревняхъ – около 700 человѣкъ.

Жили люди, перестраивались и церкви, постоянно находившіяся въ селѣ. Такъ, въ 1891 году на мѣстѣ старой деревянной церкви былъ выстроенъ каменный храмъ Святой Живоначальной Троицы, возлѣ котораго расположилась богадѣльня, другія постройки. Рядомъ проживали и священнослужители.

Но прошло чуть менѣе трехъ десятилѣтій, и храмъ сталъ не нуженъ. Окончательно онъ закрылся въ 1937 году. Потихонечку исчезали люди. Война, лагеря, очень многіе разъѣхались въ города… Умерло и село Язвищи, которое было снято съ регистраціи въ 1977 году. Вмѣстѣ съ нимъ

умерли еще десятки подобныхъ селъ и деревень.

Сейчасъ въ близлежащихъ къ храму деревняхъ вмѣсто семисотъ человѣкъ, о чемъ сказано выше, проживаетъ около тридцати. Лишь лѣтомъ съѣзжаются дачники и мѣстность какъ-то оживаетъ.

Въ Язвищахъ остался только одинъ домъ, въ которомъ проживали священнослужители, да и тотъ давно непригоденъ для жилья.

А храмъ стоитъ – поруганный, осквернённый, но величественный – и ждетъ…

Почему такое произошло? Какъ вернуть въ тѣ прекрасныя мѣста людей, Жизнь? На эти вопросы есть много предположеній, но мы считаемъ, что сначала надо приступить къ реставраціи храма. И затѣмъ все вернется, т. к. въ тѣхъ мѣстахъ появится вѣра, безъ которой не можетъ жить ни теистъ, ни атеистъ.

Съ 2011 года мы начали реставрировать нашъ храмъ. За это время вынесли мусоръ, застелили временные полы, закрыли пленкой окна. Ввиду того что зданіе церкви является памятникомъ архитектуры, приступили къ разработкѣ научно-проектной документаціи.

Если Вы имѣете возможность помочь намъ въ дѣлѣ возстановленія храма, то просимъ Васъ перечислить посильное пожертвованіе на реквизиты нашего фонда:

Расчетный счетъ получателя: 40703810655100000343 въ Сѣверо-Западномъ банкѣ ПАО «Сбербанкъ Россіи», Санктъ-Петербургъ.
ИНН получателя: 7816290748.
Получатель: Фондъ возстановленія церкви Святой Троицы въ Язвищахъ.
Счетъ Банка получателя: 30101810500000000653.
БИК Банка получателя: 044030653.
Назначеніе платежа: Благотворительное пожертвованіе.

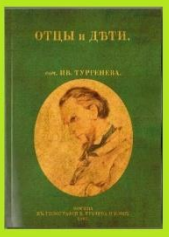
Поддержать насъ можно черезъ мобильное приложеніе вашего банка воспользовавшись QR-кодомъ (достаточно указать Ф.И.О. и сумму пожертвованія). Въ этомъ случаѣ средства поступятъ на расчетный счетъ.

Съ вопросами вы можете обращаться по телефону (921) 33-99-801 (Олегъ Лавровъ) или на электронный адресъ lavrovoa@mail.ru.

Благодаримъ васъ за поддержку, друзья!

КНИГИ ВЪ ДОРЕФОРМЕННОЙ ОРѲОГРАФІИ

Представляемъ вамъ книги классиковъ русской литературы, исполненныя въ авторской (дореформенной) орѳографіи. Изданія являются хорошимъ подаркомъ для цѣнителей русскаго языка.



Доступны на ozon.ru выбирайте

Пріобрѣсти книги вы можете перейдя по адресу: https://pravopisanie.xram-v-yazvichax.ru, а также въ Интернетъ-магазинѣ OZON.

Человѣка, доброхотно дающаго, любитъ Богъ, и недостатокъ дѣлъ его восполнитъ

[Книга Притчей Соломоновыхъ 22:8]

ПРОЕКТ
РЕСТАВРАЦИИ
ЦЕРКВИ
СВЯТОЙ
ЖИВОНАЧАЛЬНОЙ
ТРОИЦЫ
0
5
10 М
ЮЖНЫЙ ФАСАД